

АЛЕКС СЕРЕБРОВ

АКАДЕМИЯ
ЗЛОДЕЕК.
Я НЕ УМРУ
РАДИ ГЕРОЯ

18+

Алекс Серебров

Академия злодеек.

Я не умру ради героя

<https://litres.ru/74518099>

SelfPub; 2026

Аннотация

Академия Масок учит девушек становиться идеальными злодейками. Не для того, чтобы победить, — чтобы красиво проиграть Золотым Героям и своей смертью поддержать магический порядок королевства.

Лиора Вельт поступает туда добровольно. У её младшей сестры проявилась теневая метка, а дело казнённой матери запечатано в академическом архиве. Чтобы спасти Нессу, Лиоре придётся выяснить, кто написал правила их судьбы — и можно ли изменить их, не превратившись в новое чудовище.

Единственный человек, который знает устройство Академии изнутри, — прикованный к её стенам бывший Тёмный Лорд Рейнар Кейн. Он может стать союзником Лиоры. Но довериться человеку, привыкшему жертвовать чужой волей ради великой цели, может оказаться опаснее, чем стать его врагом.

Здесь у каждой роли есть цена. А за право самой написать свой финал Лиоре придётся платить собственными воспоминаниями.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	36
Глава 4	50
Глава 5	65
Глава 6	79
Глава 7	92
Глава 8	105
Глава 9	121
Г	135
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Алекс Серебров

Академия злодеек. Я не умру ради героя

Глава 1

Ветер над Чёрным утёсом пах не морем, а старой солью и мокрым железом.

Закрытый экипаж трясло последние два часа пути, пока кони вслепую втягивали повозку по вырубленному в базальте серпантину. Дорога из провинции Ревен заняла почти сутки, и всё это время в кармане моего дорожного шерстяного пальто лежало письмо судебной палаты. Бумага по краям обтрепалась от пальцев. В левом нижнем углу стояла сургучная печать уездного магистрата, удостоверявшая, что Лиора Вельт, четыре года состоявшая младшим переписчиком реестров и протоколов допроса, уволена по собственному прошению без выходного пособия.

Официально — ради продолжения магического образования.

Неофициально — потому что в доме на окраине Ревена у шестнадцатилетней Нессы две недели назад потемнела стена на правом запястье. Тонкая, как волосок, серо-пепельная

линия теневой метки.

В провинции с такими не церемонились. Если метка наливалась чернотой, за девушкой приходили конвойные из надзорного корпуса. Семью лишали налоговых льгот, дом опечатывали, а носительницу увозили в столицу, где распределительный совет определял её судьбу. Для дочерей обедневших родов судьба была ровно одна: их распределяли в расходные категории.

У Нессы не было шансов уцелеть под надзором. У неё была наша фамилия.

Когда карета со скрежетом замерла, кучер даже не стал слезать с козел. Он лишь стукнул рукоятью кнута по просмоленной крыше:

— Конечная, барышни. Ворота Масок. Выгружайте пожитки, пока прилив не захлестнул нижний мост. Обратно порожняком пойду.

Я поправила ремень потертого саквояжа, где лежали две сменные сорочки, дорожная чернильница в медном футляре и дюжина стальных перьев, и толкнула дверцу.

Холод ударил в лицо сразу. Мелкая, колючая водяная пыль летела из пропасти, где в сотне ярдов внизу бились о рифы невидимые в сумерках волны. Впереди, рассекая вечерний туман, вырастала циклопическая громада Академии Масок. Черные гранитные башни казались не построенными руками каменщиков, а выдавленными из толщи скалы гигантским подземным давлением. В узких стрельчатых ок-

нах верхних ярусов не горело ни одного огня. Единственный свет исходил от двух чаш у подножия кованых створ ворот: там гудело белесое, чадное пламя, в котором мерно потрескивали куски смоляного торфа.

Вместе со мной из трех экипажей вышли еще шестеро.

Девушки жались друг к другу, кутаясь в дорожные накидки. Большинство не смотрело вверх — они смотрели себе под ноги, на скользкие плиты площадки, стараясь не слышать глухого гула прибоя за парашетом. Я знала этот сорт страха: так вели себя мелкие лавочники в судебной палате, когда им зачитывали повестку об отчуждении имущества за долги. Когда выбора больше нет, человек инстинктивно сужает мир до кончиков собственных сапог.

Но я приехала сюда не по приговору. Я приехала добровольно.

Свод государственных законов Эстари, параграф тридцать второй, часть четвёртая: «К закрытым делам казнённых государственных преступниц первой категории допускаются лишь члены королевского трибунала, чины надзора и выпускницы высшей ступени Академии Масок, подтвердившие звание практической службой».

Мою мать Элору Вельт казнили семь лет назад на центральной площади Вейры. Её объявили чудовищем, пытавшимся разрушить порядок королевства. Я помнила, как плавились зеркала на площади, когда золотой меч героя рассёк её тень, и как толпа славila избавителя. Но в судебных кни-

гах Ревена, где оседали копии столичных процессов, дело Элары Вельт отсутствовало. Там была пустая графа и номер закрытого спецхрана в крепости Чёрного утёса.

Чтобы спасти Нессу от метки, мне нужно было понять, что именно сделала наша мать. А чтобы войти в этот архив, нужно было дожить до выпуска.

Кованые ворота с глухим стоном вздрогнули и поползли внутрь.

— Прибывшие к отбору — шаг вперед, — раздался из-под каменного свода сухой, надтреснутый голос.

На гранитный порог шагнул церемониймейстер приёмного покоя. На нем был длинный бесформенный подрясник из грубого некрашеного сукна с широкими рукавами, перехваченный на поясе железной цепью без замка. Лицо пожилого мужчины казалось вырезанным из сухой лиственницы — глубокие морщины вокруг рта, белесые выцветшие глаза и гладкая маска из полированного чёрного дерева, закрывавшая верхнюю половину лба.

За его спиной открывался широкий полукруглый вестибюль. Стены из слоистого базальта сочились влагой, а прямо посреди зала, вделанная в пол, лежала круглая плита из чёрного стекла диаметром в пять шагов. По её полированной поверхности змеились тонкие, светящиеся тусклым фиолетовым отливом выбитые строфы.

— Багаж оставить у коновязи, — распорядился церемониймейстер, не глядя на нас. — В стены академии допуска-

ется лишь тело, метка и готовность служить развязке. По одной. Называете фамилию, провинцию, вступаете на круг и произносите формулу вступления. Ворота сами определяют степень вашей пригодности.

Девушка, стоящая впереди меня — судя по богатой оторочке бархатного капюшона, дочь какого-то разорившегося столичного дворянина, — всхлипнула, но сделала шаг.

— Мариэла Дорн. Столичный округ.

Она робко наступила на чёрное стекло. Плита под её туфлями глухо зазвенела. Фиолетовые светящиеся линии на камне пришли в движение, потянулись к её подошвам, оплетая ноги тонкими светящимися жгутами.

— Читай формулу, дитя, — велел старик, указывая на бронзовую табличку у края плиты.

— «Принимаю волю Предания, — сбивающимся от дрожи голосом заговорила Мариэла. — Отрекаюсь от прежних привязанностей. Вступаю в Дом Масок, дабы стать достойным противником защитникам королевства, и вручаю свою судьбу назначенному финалу».

В ту же секунду фиолетовый свет под её ногами вспыхнул ровным, густым пепельным пламенем. Из глубины плиты донёсся слитный вздох, словно воздух вышел из меха кузнечного горна. На запястье девушки коротко сверкнула тонкая линия, и на гладкой поверхности камня возле её ступней проступили четкие серые руны: Дом Плакальщиц. Третий разряд.

— Принята, — равнодушно бросил церемониймейстер.
— Проходи в левую галерею. Следующая.

Одна за другой девушки ступали на круг. Магия плиты не ошибалась. Она считывала плотность теневой метки, взвешивала страх, покорность и родовую предрасположенность, распределяя прибывших по домам: Шепчущие, Отвергнутые, Ядовитые Невесты.

Я стояла и слушала каждую строчку клятвы.

Четыре года в судебной палате научили меня главному правилу имперского права: ни один государственный договор не составляется случайно. Каждое слово в официальном тексте закрывает лазейку для подсудимого и открывает коридор для палача.

Формула казалась стандартным ритуальным славословием. Но в ней было спрятано юридическое признание вины.

«Вручаю свою судьбу назначенному финалу».

Не испытанию. Не учёбе. Финалу. Тот, кто произносил это вслух перед зачарованным стеклом, добровольно соглашался с тем, что финал для него уже написан кем-то другим, и заранее лишал себя права оспаривать исход. Это был не обряд посвящения в студентки. Это была процедура добровольного подписания собственного смертного приговора с открытой датой.

— Следующая! — сухо окликнул церемониймейстер.

Я подобрала полы пальто, шагнула вперед и переступила медный обод.

Подошвы моих грубых дорожных ботинок коснулись ледяного стекла.

Холод проник сквозь кожу мгновенно. Это был не мороз осеннего утёса — это был мёртвый, неподвижный холод лежалой бумаги, выцветших чернил и погребальных склепов. Теневая линия на моем правом запястье под манжетой отозвалась резким, тянущим уколом, словно под кожу плеснули кислоту.

Фиолетовые нити на полу дрогнули. Но вместо того чтобы плавно оплести мои ступни, как у остальных, они замерли. Светящиеся линии под стеклом дёрнулись, зазмеились обратно к центру, натягиваясь, как струны перед разрывом.

— Имя и провинция, — церемониймейстер впервые поднял глаза, и в его выцветших зрачках мелькнула тень профессиональной настороженности.

— Лиора Вельт, — произнесла я четко, так, чтобы голос отразился от сводчатого потолка. — Провинция Ревен.

В зале стало тихо. Даже шаги Мариэлы Дорн в глубине левой галереи оборвались.

Старик медленно перевёл взгляд с моего лица на моё запястье, скрытое шерстяным рукавом. Его сухие губы беззвучно шевельнулись, повторяя фамилию, но вслух он не сказал ничего. Лишь указал узловатым пальцем на бронзовую пластину:

— Читай клятву, Лиора Вельт. Точно по тексту.

Я опустила взгляд на чеканные буквы.

Магия плиты уже давила на сознание. В висках нарастало глухое, давящее биение чужой воли — древний ритуал требовал подчинения ритму. Слова клятвы сами всплывали в горле, тяжелые, маслянистые, готовые сорваться с языка. Они требовали капитуляции. Они хотели, чтобы я признала. моё место — быть правильной мишенью для будущего золотого клинка.

Я сделала медленный вдох, чувствуя, как внутри просыпается привычное, холодное упрямство судебного канцеляриста, правящего чужую фальшивку.

— Принимаю волю Предания, — начала я ровным, сухим голосом. — Отрекаюсь от прежних привязанностей. Вступаю в Дом Масок, дабы познать природу противников защитников королевства...

Я сделала микроскопическую паузу. Всего на полвздоха.

— ...и подчиняю свои силы назначенному долгу.

Не «финалу». Долгу.

Одно слово. В уголовном праве замена термина «исход» на «долг» переводила подсудимого из категории безусловного осуждённого в статус процессуальной стороны, сохраняющей за собой право отчёта перед законом.

В ту же секунду стекло под моими ногами ослепительно полыхнуло.

Но вспыхнул не пепельный огонь.

Глубоко в толще чёрного монолита, прямо под моими подошвами, с глухим стеклянным треском разошёлся невиди-

мый шов. Фиолетовые ритуальные строки дрогнули, скрутились спиралью и треснули. Из глубины разлома ударило серебряное, чистое сияние — без примеси тени, резкое, как остриё ножа для зачистки пергамента.

Я замерла. В глазах зарябило от перепада света. На долю секунды я увидела то, чего здесь не должно было быть: под официальными светящимися строфами клятвы, глубоко в толще плиты, лежал второй текст. Древний, полустёртый, проступающий рваными, серебристыми рубцами.

Буквы старого слоя потянулись к моей ладони. Моя метка на запястье вспыхнула нестерпимым жаром, и прямо сквозь шерсть рукава на свет пробился сложный, тонкий рисунок: не прямая теневая черта, а переплетённые линии знака Редактора — резца, рассекающего печать.

— Отойди от плиты! — хрипло выкрикнул церемониймейстер, отшатнувшись назад и вскидывая руки к железной цепи на поясе. — Она ломает контур! Стража!

Из боковых арок с лязгом вылетели четверо стражников в закрытых глухих шлемах, с короткими железными алебардами наперевес.

Но сделать шаг к кругу они не успели.

— Назад, — произнёс женский голос со стороны парадной лестницы.

Голос прозвучал негромко, без крика, но от звука этого тембра воздух в вестибюле словно заledenел. Даже пламя в торфяных чашах прижалось к углям, вытягиваясь в тонкие

сизые струйки.

Стражники замерли, мгновенно опустив оружие лезвиями в пол.

По широким ступеням из черного базальта неторопливо спускалась женщина.

На вид ей было около пятидесяти. Высокая, безупречно прямая, в строгом дорожном платье из тёмно-синего сукна с глухим воротником-стойкой, застегнутым под самым подбородком на серебряные крючки. Ни драгоценностей, ни пышных складок. Её седые, пепельного оттенка волосы были туго уложены в тяжелую гладкую косу на затылке. Лицо ректора Северы Норр в судебных хрониках описывали редко, но однажды увидев, забыть его было невозможно: тонкие бескровные губы, скульптурные скулы и глаза цвета замерзшей ключевой воды, в которых не отражался свет факелов.

Она подошла к краю плиты, не обращая внимания на перепуганных девушек, сбившихся у стены. Её взгляд скользнул по моим сапогам, по трещине в фиолетовых строках и остановился на моем запястье, где сквозь ткань всё ещё пульсировало серебряное сияние.

— Вы перепутали формулу, Лиора Вельт, — произнесла Севера Норр. Её интонация была абсолютно деловой, словно она отчитывала неопытную горничную за разбитую чайную чашку.

— Я произнесла текст так, как требует имперский кодекс о добровольных обязательствах, госпожа ректор, — ответи-

ла я, не опуская подбородка. Сердце колотилось о ребра, но голос звучал ровно. — Принуждение к согласию на смертный исход вне зала суда делает любую клятву юридически ничтожной.

В углу тонких губ Северы промелькнула тень усмешки. Сухой. Опасной.

— Судебный переписчик из Ревена. Девятый ранг канцелярии, — негромко проговорила она, словно читала вслух моё личное дело, лежавшее у неё в кабинете. — Дочь своей матери. Элара тоже любила искать трещины в формулировках. Она считала, что если найти неправильно поставленную точку, закон перестанет быть топором.

Она сделала шаг ближе. Её перчатки из мягкой матовой кожи тихо скрипнули.

— Но Академия Масок — не уездный суд, дитя. Здесь буквы питаются кровью, а не чернилами. И тот, кто отказывается склонить голову перед чужим финалом, берёт на свои плечи чужую тяжесть.

Севера Норр подняла правую руку. В воздухе между нами проступила тонкая, прозрачная полоса искажения — словно стекло раскалили на огне.

Она коснулась пальцем трещины в плите под моими ногами.

Серебряный свет под стеклом не погас — он с шипением втянулся в чёрный монолит, и прямо на поверхности базальта, выжигая полировку, начали проступать новые знаки. Не

серые, как у Мариэлы. Не пепельные.

Черные, матовые буквы, окружённые короной из ломаных зубцов.

Церемониймейстер за спиной ректора судорожно вдохнул воздух и выронил железную цепь. Железо глухо звякнуло о камень.

— Зафиксируйте в протоколе приёма, — не оборачиваясь, приказала Севера Норр. Её холодные глаза смотрели мне прямо в переносицу. — Лиора Вельт. Факультет Высшего Противостояния. Первая кандидатка на Чёрную Корону выпуска этого года.

Слова упали в тишину зала, как тяжелые свинцовые гири. Чёрная Корона.

Я знала этот титул. В протоколах столицы его присваивали только одной выпускнице за весь шестилетний цикл. Той, которую нарекали главной злодейкой поколения. Той, ради уничтожения которой Геройский коллегиум выковывал священный меч, а Орден Свидетелей настраивал тридцать шесть зеркал трансляции по всей Эстари. Той, чья смерть в конце двенадцатой недели должна была скрепить распадающийся защитный купол государства.

Моя мать носила эту корону. И умерла под ней.

— Я подавала прошение на общее отделение архивистики, — мой голос оставался твердым, хотя к горлу подступил горький ком. — Государственный устав позволяет...

— Государственный устав позволяет ректору академии

определять роль абитуриента согласно проявленной силе, — перебила меня Севера. В её тоне не было злости — только абсолютная, железобетонная уверенность государственной машины. — Вы пришли сюда по собственному желанию, госпожа Вельт. Никто не тащил вас на Чёрный утёс силой. Но с той секунды, как камень принял вашу кровь и зафиксировал статус кандидатки, юридический коридор закрылся.

Она повернулась к начальнику караула:

— Запереть внешние ворота. Мост поднять. Пропускной режим закрыть по высшей категории до дня выпускного ритуала. До срока — ровно двенадцать недель.

Тяжелые кованые створки за моей спиной пришли в движение. С оглушительным, погребальным лязгом замки вошли в пазы, отрезая шум ветра, запах прилива и дорогу, по которой уезжал экипаж в сторону Ревена.

Я осталась внутри.

Без права выхода. Под прицелом ректора, которая знала мою мать лучше, чем я сама. И с дедлайном в восемьдесят четыре дня, по истечении которых мне предстояло либо надеть венец смертницы, либо найти способ сломать обряд, прежде чем теневая линия Нессы позовет конвой к нашему порогу.

— Проводите кандидатку в восточный сектор Дома Масок, — бросила Севера, уже поднимаясь по ступеням. — И выдайте ей уставную форму. На занятиях по теории поражения она сидит в первом ряду.

Стражник молча указал мне концом алебарды на тёмную анфиладу галереи.

Я подхватила свой саквояж, развернулась и пошла по сырому каменному коридору. Подошвы гулко отдавались в тишине.

На повороте в жилое крыло, уходящее в глубь скалы, стена коридора внезапно оборвалась, уступая место высокому, в два человеческих роста, арочному проёму. Внутри него стояло зеркало.

Оно не было обычным. Тяжелая рама из темного литого серебра с тридцатью шестью пустыми гнездами по контуру держала гладкую поверхность тёмного стекла, в глубине которого мерцала медленная, маслянистая дымка. Одно из тридцати шести трансляционных зеркал государственной сети.

Я машинально повернула голову, чтобы поправить выбившуюся из узла прядь волос.

Но отражение не повторило моего движения.

В глубине мутного серебра стояла я. Но на моих плечах тяжелела мантия из рваного чёрного шёлка, а на висках сжимался обруч из темного железа с узкими шипами, впивающимися в кожу до темных капель. Мое лицо в стекле было смертельно бледным, а взгляд — пустым и неподвижным.

А над моей грудью, выступая из клубящейся за спиной тьмы, замер высокий мужской силуэт.

Лица мужчины видно не было — лишь широкие плечи в

тяжелом белом панцире, рука в латной рукавице и сверкающее, ослепительное лезвие золотого меча, занесенное для прямого, смертельного удара сверху вниз.

Остриё клинка касалось моего сердца.

Я моргнула.

Наваждение рассыпалось за долю секунды. В мутном стекле снова отразилась лишь уставшая двадцатидвухлетняя девушка в потертом шерстяном пальто, с дорожным саквояжем в дрожащей руке и въевшимися в пальцы следами судебных чернил.

— Не задерживайся, адептка, — глухо бросил сзади конвойный, толкнув древком алебарды тяжелую дубовую дверь в спальный сектор. — До отбоя полчаса. Завтра первый урок.

Я перевела дыхание, спрятала онемевшую ладонь в карман, где лежало письмо из дома, и перешагнула порог.

Часы начали обратный отсчёт.

Глава 2

Каменная щель между плитами над изголовьем тянула сыростью всю ночь.

В комнатах восточного сектора Дома Масок не держали жаровен. Считалось, что воспитанницы высшей ступени не должны привыкать к теплу: холод сушит мысли и не позволяет телу расслабляться перед утренним колоколом. Из обстановки здесь полагались лишь две узкие койки с жесткими тюфяками, набитыми сухой морской травой, некрашеный дубовый стол на кованых ножках и два жестяных умывальника в нише за перегородкой.

Я проснулась за четверть часа до звона. Села на постели, не сбрасывая грубого шерстяного одеяла, и первым делом посмотрела на правую руку.

Под манжетой казенной нижней сорочки теневая черта за ночь не исчезла. Напротив, после вчерашней трещины в приемной плите тонкая линия на запястье налилась глубоким, смоляным отливом, а по краям кожи проступили едва заметные серебристые штрихи — отпечаток знака Редактора. Она пульсировала глухо, в такт ударам сердца, напоминая о восьмидесяти четырех днях, оставшихся до выпускной ночи.

На соседней койке зашуршала солома.

— Не пытайся соскрести, — раздался хриплый со сна женский голос. — Теневые метки въедаются в кость. Если

начнешь тереть пемзой, снимешь мясо до белизны, а к полудню она проступит снова. Только грязь в рану занесешь.

Девушка, спавшая у противоположной стены, рывком села и опустила босые ноги на ледяной плиточный пол.

Ей было не больше двадцати одного года. Худощавая, жилистая, с коротко стриженными пепельно-русыми волосами, торчащими во все стороны, и острым, цепким лицом уличного подростка. На пальцах обеих ее рук темнели въевшиеся желто-коричневые пятна химических реактивов, а вокруг ногтей кожа потрескалась от кислотных ожогов. На правом предплечье девушки тускло поблескивал широкий медный браслет с выгравированным вензелем цветка дурмана — якорь назначенной роли.

— Я не собиралась скрести, — ответила я, застегивая пуговицы уставного серого платья, выданного надзирательницей накануне вечером. Платье было сшито из тяжелой полушерсти, глухо застегивалось под самое горло и немилосердно кололо шею. — Я проверяла плотность контура.

Соседка усмехнулась, подошла к умывальнику и плеснула в лицо ледяной воды из жестяного кувшина.

— Плотность контура... Сразу слышно столичную канцелярию. Я Тавия. Тавия Рун из Дома Беладонны. Официально — назначенная Ядовитая Невеста третьего потока.

Она вытерла лицо жестким вафельным полотенцем и повернулась ко мне, бесцеремонно оглядывая с головы до ног:

— А ты, значит, та самая Лиора Вельт, которая вчера за-

ставила ректора спуститься в приёмный покой и выбила трещину в стекле ворот. Все жилое крыло только об этом и шепчется. Думали, тебя до утра спустят в карцер за порчу ритуального круга. А тебя привели сюда. Да еще на верхний этаж.

— Ректор сочла, что мои таланты лучше раскрывать на глазах у наставников, — сухо отозвалась я, затягивая шнурки на тяжелых ботинках.

— Ну да. Подальше от выхода, поближе к алтарю, — Тавия хмыкнула без тени веселья. Она подошла к столу, где среди груды пергаментных свитков стояла дюжина стеклянных аптекарских пузырьков с притертыми пробками, и принялась ловко проверять их осадок на просвет утренней зари. — Знаешь, почему мне дали этот чертов браслет? Потому что мой отец задолжал гильдии виноделов две тысячи золотых крон. У нас была семейная аптека в Озерном крае. Когда пришли за долгами, судейские нашли в подвале запасы белого мышьяка и аконита. Отцу светила каторга, а мне — контракт с Академией Масок. Если я безупречно отыграю роль Ядовитой Невесты и вовремя уроню бокал с ядом на выпускном смотре, казна спишет долги семьи.

Я замерла, поправляя воротник.

— «Вовремя уроню бокал»?

— Ну разумеется, — Тавия бросила на меня быстрый, удивленный взгляд. — Нас здесь учат не травить королей по-настоящему. Нас учат готовить идеальный, смертоносный яд, наливать его в хрусталь с самой обольстительной улыб-

кой, а потом делать так, чтобы доблестный рыцарь из Геройского коллегiums вовремя перехватил твою руку, разбил кубок о паркет и разоблачил коварную отравительницу перед всем двором. Развязка должна быть безупречной. Герой побеждает, злодейка повержена, публика рукоплещет Преданию.

— А что происходит с Невестой после того, как кубок разбит? — тихо спросила я.

Пальцы Тавии, державшие склянку с синеватой настойкой корня цикуты, на мгновение дрогнули. Она поставила пузырек обратно в деревянную колоду и не сразу подняла глаза.

— Зависит от успеваемости, — ее тон стал заметно глуше. — Те, кто наберет высшие баллы по сценическому подчинению и пластике развязки, получают распределение в провинциальные театры Предания или наставнические должности при уездных заставах. А лучшая из нас... лучшая получает право закрытого архива. Говорят, там хранятся формулы первородных солей, которые могут растворить даже след метки.

Она не знала.

Я смотрела на то, как уверенно и деловито двигаются ее обожженные кислотой пальцы, и видела то же самое слепое неведение, с которым арестанты в ревенском суде подписывали признательные протоколы, уповая на милость трибунала. Академия бережно охраняла миф об успешной карьере. Девушкам внушали, что их готовят к высоким государ-

ственным ролям, к публичной славе антигероинь, а окончание обучения называли туманным термином «окончательное исполнение роли». Никто в этих коридорах не произносил слов «плаха», «жертвенник» или «купол».

И мне нельзя было открывать этот капкан раньше времени. Паника среди студенток привела бы лишь к немедленному ужесточению режима, а мне требовался доступ к бумагам.

— В библиотеку верхнего яруса пускают всех с высшими баллами? — спросила я, проверяя застёжки наручей.

— Только первых трех по общему рейтингу факультета, — Тавия накинула на плечи короткую шерстяную пелерину. — И поверь, за эти три места здесь перегрызут глотки. Особенно Селена Мар из Дома Узурпаторш. Ее род три поколения поставляет лучших антагонисток двора, и она считает, что Чёрная Корона приписана к ее фамилии по праву крови. Если встанешь у нее на дороге — она не станет ждать выпускного. Она съест тебя на первом же совместном спарринге.

В коридоре гулко и протяжно ударил тяжелый медный колокол. Три коротких удара, один длинный.

— Первый урок. Тактическая драматургия, — Тавия подхватила холщовую сумку с флаконами. — Шевелись, Вельт. Наставник Вейн не прощает опозданий даже тем, за кем лично спускается ректор.

Зал Практической Драматургии располагался в самом сердце Чёрного утёса, тремя ярусами ниже жилых секторов.

Это был огромный круглый амфитеатр, вырубленный прямо в толще гранита. Верхние ярусы тонули в полумраке, а внизу, окруженная толстым барьером из черного мореного дуба, лежала круглая песчаная арена диаметром в тридцать шагов. Песок на арене был серым, тяжелым, пахнущим толченым углем и жженой костью. По всему периметру барьера в дерево были вбиты широкие бронзовые скобы, от которых к центру круга тянулись тонкие, светящиеся бледно-золотым светом рунические дорожки.

Вдоль деревянного парапета уже стояли около двух десятков студентов. Все в одинаковых серых платьях, с гладко зачесанными волосами. На руках у многих виднелись ритуальные знаки: тонкие витые браслеты, костяные перстни с пустыми глазницами, серебряные цепочки с фальшивыми кинжалами. Каждая несла на себе якорь назначенной роли.

Среди них выделялась высокая, статная девушка с иссиня-черными волосами, заплетенными в сложную корону из кос. Она стояла чуть впереди остальных, опершись ладонями в черных лайковых перчатках на перила. На ее запястье тяжелел массивный золотой обруч с гербовой печатью в виде оскаленной волчьей пасти. Селена Мар. Она даже не повернула головы, когда мы с Тавией подошли к барьеру, но я кожей почувствовала, как ее взгляд мгновенно зафиксировал мое присутствие, взвешивая угрозу с холодной точностью потомственной хищницы.

Посреди песчаной арены стоял наставник Вейн.

Высокий, сутулый мужчина лет сорока пяти в длинном сюртуке из темно-зеленого сукна, расшитом по воротнику серебряными знаками Ордена Свидетелей. Его левая рука была неподвижна и покоилась на перевязи из черного шелка, а в правой он держал длинную гибкую трость из белого ясеня с полированным набалдашником. Лицо наставника казалось плоским и серым, как речная галька, а глаза смотрели на мир с той абсолютной, вымороженной скукой, которая бывает только у тюремщиков с двадцатилетним стажем.

— Трагедия, госпожи адептки, — начал Вейн без всякого вступления, и его глухой, скрипучий голос без труда заполнил каменную чашу зала, — это не случайное стечение обстоятельств. Трагедия — это геометрия государственной стабильности.

Он медленно прошелся по серому песку. Кончик его трости чертил за собой ровную бороздку, испарывая светящиеся рунические линии.

— Дикари на окраинах королевства верят, будто победа в бою достается тому, у кого острее клинок или крепче броня. Это заблуждение черни. В мире, скрепленном Преданием, исход любого противостояния предопределен заранее. Герой не может проиграть, потому что за его спиной стоит ожидание миллионов подданных. Но чтобы триумф Героя стал истинным источником магической защиты, противник обязан быть достойным.

Вейн остановился у центральной плиты, наступив каблу-

ком на бронзовое солнце.

— Если злодейка слаба, смешна или нелепа — победа над ней не стоит выеденного яйца. Народ не испытает катарсиса. Купол не получит подпитки. Но если злодейка ведет себя дерзко, демонстрирует сокрушительное могущество, ставит защитника на край гибели... и в последний миг совершает ту единственную, роковую ошибку, которой требует сценарий... Тогда восторг толпы переплавляется в несокрушимый щит.

Он резко повернулся к трибунам и указал тростью прямо на меня:

— Лиора Вельт. На круг.

Шепот за барьером мгновенно стих. Тавия едва заметно коснулась моего локтя, предостерегая, но я уже отстранилась и толкнула створку калитки.

Песок подался под подошвами с сухим, хрустящим звуком.

Едва я переступила черту рунического контура, как воздух вокруг стал густым и тяжелым, словно я шагнула в ледяную воду. Метка на запястье отозвалась знакомым тянущим жаром. Я сразу поняла, почему этот песок пах жженой костью: арена была напитана многолетней памятью подавления. Здесь тысячи раз ломали чужую волю, вколачивая в тела студенток рефлекс безусловного подчинения финалу.

— Оружие у левой стойки, — распорядился Вейн, даже не глядя на меня. — Учебный палаш или стилет. Выбирайте,

госпожа кандидатка.

У деревянной тумбы лежало тренировочное оружие: тупые полосы закругленного железа без режущей кромки, с тяжелыми свинцовыми противовесами. Я взяла короткий стальной стилет. В судебной канцелярии мне не раз приходилось сверять описи вещественных доказательств после уличных поножовщин; я знала баланс клинка и понимала, как быстро распределяется вес при прямом выпаде.

— Ваша задача элементарна, Вельт, — Вейн отошел к краю арены. — Отработка третьей фазы классического акта возмездия. Рунический фантом активирует проекцию младшего кадета Геройского колледиума. Он атакует прямым выпадом с верхней стойки. Вы удерживаете инициативу первые четыре темпа. Демонстрируете превосходство теневой техники. На пятом темпе раскрываете левую сторону, поддаетесь давлению золотого клинка, роняете стилет и принимаете коленопреклоненную позу абсолютной капитуляции. Время на развязку — ровно десять ударов сердца.

Он поднял ясеневую трость и коснулся бронзовой скобы на барьере.

— Начали.

Рунические нити на песке вспыхнули ровным, ослепительным янтарным сиянием. Из светящегося круга в центре арены с шипением поднялся сгусток плотного золотистого тумана, который за долю секунды обрел очертания рослого юноши в латных доспехах, с поднятым тяжелым мечом из

чистого света.

Фантом не был живым человеком, но он двигался с пугающей, выверенной механической скоростью.

Он шагнул вперед, вздымая клинок.

Я встала в левостороннюю стойку, перехватив стилет обратным хватом. И в ту же секунду мой взгляд зацепился за то, чего обычная студентка не заметила бы за блеском золотых искр.

Швы.

Они были повсюду. Вся арена была разлинована не просто рунами усиления — это были жесткие, принудительные директивы. Тонкие серые жгуты плетения тянулись от песчаного пола прямо к моим ботинкам. Они не давали манекену промахнуться. Больше того: я видела, как в воздухе над моей головой уже формировалась вязкая магическая петля. Она должна была активироваться ровно на пятом темпе, сковать сухожилия моего правого запястья, вызвать искусственный мышечный спазм и заставить меня выронить оружие, бросив на колени перед световой проекцией.

Победа героя не была результатом его доблести. Она была заранее вписана в систему. А поражение злодейки обеспечилось тайным параличом, который выдавался за моральное крушение.

Фантом сделал первый выпад.

Свист рассекаемого воздуха. Я сместилась вправо, принимая золотое лезвие на обух стилета. Металл ударил о свет

с сухим колокольным звоном. Руки обожгло отдачей, но я удержала равновесие.

— Первый темп! — сухо отсчитал Вейн. — Агрессивнее, Вельт! Где презрение во взгляде? Где теневой напор? Вы должны пугать, а не защищаться, как испуганная торговка!

Второй темп. Фантом крутанул меч, нанося рубящий диагональный удар.

Я нырнула под клинок, скользя по песку. Теневая линия на запястье вспыхнула, выбрасывая узкий шлейф серого дыма, который на мгновение ослепил световую фигуру.

— Третий! Хорошо! Четвертый — готовьте раскрытие!

Фантом перегруппировался для финальной атаки. Его золотые латы налились слепящим жаром. Он занес меч обеими руками для сокрушительного удара сверху вниз — в точности так, как в том кошмарном видении в зеркале трансляции.

Магическая петля над моей головой натянулась, готовая рухнуть на плечи. Я почувствовала, как пальцы правой руки начинают неметь, подчиняясь навязанному извне спазму. Предание требовало пасть ниц. Оно хотело, чтобы я дрогнула, чтобы мои колени ударились о серый песок, а глаза наполнились ужасом побежденной твари.

В висках застучала кровь.

«Подчиниться развязке».

Нет.

Я была судебным переписчиком. Я видела сотни людей, которых ломали чужие формулировки, и знала одно: если ты

добровольно соглашаешься сыграть чужой сценарий, ты перестаешь быть человеком задолго до того, как топор коснется шеи.

Вместо того чтобы ждать пятого темпа и позволить петле сковать суставы, я разорвала ритм.

Я не стала раскрывать левый бок. Я сделала резкий, короткий шаг навстречу сияющему клинку — прямо в мертвую зону замаха, где меч еще не набрал инерции.

Левой рукой я перехватила латную рукавицу фантома у самого сочленения запястья, используя собственный вес манекена, и крутанулась вокруг своей оси. Острие золотого меча со свистом вспороло пустой воздух в дюйме от моего плеча.

Магическая петля над ареной дернулась, потеряв цель, и с сухим щелчком лопнула, не найдя точки приложения силы.

Фантом по инерции качнулся вперед, открывая незащищенную спину.

Я могла бы завершить движение и воткнуть учебный стилет в сочленение его доспехов. Это была бы чистая, техническая победа. Но правила арены запрещали побеждать: за этим последовал бы немедленный удар шокеров из парапета.

Поэтому я сделала другое.

Я не упала на колени. Я не выронила оружие от страха.

Я сделала два быстрых шага назад, разорвав дистанцию, спокойно разжала пальцы и позволила стилету упасть в песок. Без звона. Без судороги.

А затем подняла глаза на сияющего золотого истукана, скрестила руки на груди и осталась стоять прямо, глядя на него с тем холодным, брезгливым равнодушием, с которым судья закрывает дело безнадежного сутяги.

Мое поражение состоялось. Оружие лежало на земле. Фантом стоял надо мной с занесенным мечом.

Но это не была победа Героя.

Это был мой сознательный отказ пачкать руки о заводную куклу.

Золотой фантом замер. Заложённая в него программа дала сбой: в его ритуальном коде не было инструкции на случай, если поверженная злодейка не корчится в пыли, а смотрит на избавителя сверху вниз с высокомерной жалостью. Светящаяся фигура мелко задрожала, по золотой броне пошли серые трещины, и через мгновение манекен с глухим хлопком осыпался на песок горстью блеклых искр.

В амфитеатре повисла мертвая тишина.

Тавия у барьера зажала рот ладонью. Селена Мар медленно выпрямилась, и в ее темных глазах впервые промелькнуло не презрение, а жесткое, расчетливое удивление.

Наставник Вейн не двигался несколько секунд. Его ясеневая трость застыла над песком, кончик мелко подрагивал. Лицо мужчины потемнело, наливаясь тяжелой, свинцовой краской.

— Вы... что вы сделали, Вельт? — его голос прозвучал тихо, но в нем звенела ярость взбешенного педанта.

— Выполнила норматив, господин наставник, — мой голос звучал ровно, дыхание почти не сбилось. — Удержание инициативы — четыре темпа. Разоружение — на пятом. Оружие на песке. Развязка зафиксирована за семь ударов сердца вместо десяти.

— Вы сорвали сакральный смысл акта! — Вейн сделал три быстрых шага ко мне, взмахнув тростью так, словно собирался ударить меня по плечу, но в последний миг сдержался, опустив дерево на уровень моей груди. — Вы не отдались развязке! Вы не передали фантому силу победы! Предание не питается вашей снисходительной милостью, девочка! Ему нужно покаяние! Ему нужен триумф карающей десницы над поверженным мраком! А вы... вы стояли перед защитником государства так, словно делали ему одолжение тем, что позволили остаться на ногах!

— В уставе курса нет требования испытывать искренний страх перед деревянным манекеном, — отчеканила я, не отводя взгляда от его побелевших губ. — Там зафиксированы лишь физические параметры: обезоруживание, сохранение целостности контура и своевременный финал. Я выполнила каждое условие.

Вейн тяжело, с присвистом выдохнул. Его челюсти сжались так, что на висках вздулись сизые вены.

Он подошел к судейскому пюпитру у края арены, на котором лежала раскрытая ведомость из толстого пергамента в переплете из черной телячьей кожи. Схватил гусиное перо,

обмакнул его в чернильницу с густым, смоляным составом.

— Техническая координация, реакция и плотность теневого удержания — высший балл, — яростно проскрипело перо по пергаменту. — Десять из десяти. Ни одна первокурсница за последние пять лет не уходила из-под верхнего замаха на третьем темпе.

Он резко поднял голову, и его выцветшие глаза впились в мое лицо:

— Но за умышленное искажение смыслового ядра ритуала... за отказ подчинить волю развязке...

Перо с силой ударило в графу примечаний, брызнув чернилами:

— Вы получаете дисциплинарное взыскание первой степени. Назначить особое кураторское наблюдение с ежедневным отчетом коменданту. И лишить адептку Вельт права посещения общей и специальной библиотеки сроком на семь дней. С этого момента ваш маршрут: казарма, учебный плац и столовая. Никаких книг. Никаких архивов.

Он захлопнул ведомость с сухим, хлестким стуком.

— Пошла вон с круга. Следующая — Селена Мар.

Я молча развернулась, не удостоив наставника поклоном, и пошла к калитке. Сердце жгло холодом, но подбородок оставался приподнятым.

Семь дней без библиотеки.

Неделя изоляции от старых дел и описей. Севера знала, куда бить: меня лишили единственного легального инстру-

мента расследования до того, как я успела сделать хотя бы один шаг к архивному корпусу. Меня запирали на открытом пространстве, под надзором, вынуждая вариться в чужих правилах.

Когда я проходила мимо Селены, та даже не посторонилась, заставив меня обойти ее по узкому проходу у барьера.

— Красивый фокус, переписчица, — негромко, одними губами бросила она, поправляя золотой обруч на запястье. — Но здесь не суд уездного городишки. Будешь выламывать перья перед наставниками — тебя сотрут в порошок раньше, чем наступит середина цикла. Злодейки, которые не умеют правильно падать, долго не живут.

— Тот, кто падает по чужой указке, уже мертв, Мар, — ответила я, не замедляя шага. — Просто ему еще не сказали об этом вслух.

Она прищурилась, но ответить не успела — прозвучал вызов Вейна, и Узурпаторша плавной, хищной походкой скользнула на арену.

Я подошла к скамье, где ждала Тавия. Подруга смотрела на меня со смесью ужаса и дикого, восторженного благоговения:

— Ты сумасшедшая, Вельт. Абсолютно ненормальная. Он же мог впаять тебе карцер на хлебе и воде.

— Карцер не имел права, — устало отозвалась я, поднимая свою сумку. — По уставу высший балл за технику исключает изоляцию в камере. А вот библиотеку он закрыть

мог.

Я оглянулась на судейский пюпитр.

Ведомость осталась лежать на пюпитре раскрытой, пока Вейн отчитывал секунды для Селены.

На белом пергаменте, напротив моей фамилии, свежие чернила еще не просохли до конца. Они блестели в свете факелов жирным, маслянистым блеском. Рядом с идеальной десяткой за технику стояла выведенная косой, нервной рукой наставника черная пометка, похожая на косой крест палача:

«Не подчиняется развязке. Потенциал риска — критический».

Глава 3

Наставник Вейн исполнил угрозу с педантичностью палача: библиотека была опечатана для меня на семь дней, а в дисциплинарной ведомости на стене караульного поста против фамилии Вельт стояла ежедневная трехчасовая отработка по третьей категории тяжести. Большинство проштрафившихся направляли на нижние кухни ворочать мешки с мерзлой брюквой или на учебный плац сгребать мокрый угольный песок. Но комендантский устав Дома Масок содержал примечание мелким почерком: адептки с высшим баллом по координации могли быть привлечены к регламентным работам при технических службах обеспечения Предания.

На второй день я сама потребовала назначения в Зал Зеркал.

Смотритель дисциплинарного блока, серый от недосыпа унтер-офицер с оловянной бляхой надсмотрщика на груди, долго буравил меня подозрительным взглядом, но возражать не стал. Желающих лезть под своды зеркальной галереи в академии не находилось: от непрерывного низкого гула трансляционных рам к исходу первого часа начинала раскалываться голова, а пальцы от ледяной полировочной пасты немели до самых костей.

— Возьмешь войлочный круг, суконную ветошь и две банки спиртовой суспензии у дежурного послушника, —

прохрипел он, макая перо в журнал взысканий. — К рамам без приказа мастеров не прикасаться. Поверхности протирать по спирали, от внешнего обода к центру. Если оставишь хоть один развод на отражающем серебре — удвою норму. Ступай.

Зал Тридцати Шести Зеркал находился на среднем подземном горизонте Чёрного утёса, прямо под центральным собором Предания.

Чтобы попасть туда, требовалось миновать два караульных поста и спуститься по узкой винтовой лестнице, вырубленной в базальтовом монолите. С каждым шагом температура падала. Здесь не было факелов — только тусклые стеклянные колбы со светящимся трупным фосфором, вмазанные в кладку через каждые двадцать шагов.

Когда железная дверь с медным знаком Ордена Свидетелей с глухим скрежетом отворилась, я замерла на верхней площадке.

Зал был колоссальным. Круглое пространство диаметром в добрую сотню ярдов напоминало перевернутый амфитеатр. Купол терялся во тьме наверху, где под самыми стропилами мерцали холодные сизые искры заземляющих цепей. А вдоль стен, по кругу, на ступенчатых каменных постаментах высились тридцать шесть исполинских плит.

Каждое зеркало имело высоту в три человеческих роста. Они не походили на комнатные зеркала из амальгамы и полированного хрусталя. Это были монолитные вертикаль-

ные стелы из темного, маслянисто поблескивающего чёрного стекла, заключенные в массивные рамы из литого серебра с чернением. По периметру каждой рамы шли тридцать шесть круглых гнезд — пустых или заполненных тусклыми свинцовыми заглушками.

И они звучали.

Все тридцать шесть плит непрерывно вибрировали, издавая слитный, утробно-глухой гул на грани слышимости. Звук не ударял в барабанные перепонки — он входил через подошвы ботинок, поднимался по костям голеней и оседал в грудной клетке тяжелой, тягучей тошнотой. Так гудит воздух перед ударом молнии. Так гудит толпа за секунду до того, как топор палача опустится на плаху.

На каменном полу между постаментами сустились люди в серых суконных рясах с обрезанными рукавами — техники и младшие послушники Ордена Свидетелей. Они передвигались бесшумно, в мягких войлочных чунях, несли медные масленки с веретенным маслом, длинные деревянные линейки с руническими засечками и связки заземляющих медных жил.

— Новенькая? — окликнул меня сухопарый мужчина средних лет с лицом, изрытым глубокими оспинами. На его шее висел костяной резец для зачистки серебра. — Из Дома Масок?

— Лиора. Наряд на регламентную очистку оправ.

Мужчина окинул меня цепким, бесстрастным взглядом,

задержавшись на тонких запястьях и казенном сером подоле:

— Я мастер Кассиан. Работать будешь в восточном секторе, зеркала с седьмого по двенадцатое. Это линия окружных хоров предгорья. Вчера после твоей выходки на вступительной плите три зеркала дали рябь по нижнему контуру. Если на серебре осел нагар от резонанса — зачищаешь войлоком до белого блеска. Самого стекла руками не касаться. Если стекло начнет втягивать отражение — немедленно отступай за медную черту на полу. Поняла?

— Поняла, — я взяла из его рук тяжелую жестяную банку с резким запахом спирта и деревянную колодку с войлоком. — А что связывает зеркала с воротами?

Кассиан скривил тонкие губы в подобии усмешки:

— Закон сообщающихся сосудов, девчонка. Предание едино. То, что пишется на воротах, читается на площадях столицы. То, что происходит на арене, через эти тридцать шесть плит видят хоры в Вейре, в Озерном крае, в предгорьях и на южной границе. Тридцать шесть зеркал — это глаза королевства. Когда наступит выпускная ночь, тридцать шесть Свидетелей замкнут круг, и ни одна живая душа в Эстари не усомнится в том, что Чёрная Королева пала по воле закона.

Он резко повернулся и зашагал к центральному пульту управления — круглой бронзовой тумбе, от которой во все стороны, как паучьи лапы, расходились пучки толстых медных шин.

Я спустилась по скользким ступеням к постаментам восточного сектора.

Моей истинной целью здесь была не очистка серебра.

Вчера ночью, пока Тавия спала, я перерисовала на клочок бумаги план цокольных ярусов, который висел на стене пожарного поста. Зал Зеркал был единственным помещением среднего уровня, чья дальняя стена вплотную примыкала к скальному массиву Сердечного архива. Служебный ход для механиков, подающих смазку к подъемным противовесям зеркал, вел прямо к запечатанным шлюзам нижней сокровищницы. Чтобы добраться до дела матери, мне нужен был доступ в эту галерею.

Я поднялась на деревянные мостки перед девятым зеркалом.

Рама из черненого серебра была холодной, как лед на горном перевале. По ее металлу вилась непрерывная строфа чеканного текста — официальная государственная мантра подчинения, закрепляющая связь транслятора с хором Свидетелей в провинции Ревен. В том самом городе, где сейчас спала Несса.

«Единым взором внемлем падению отступницы. Единым гласом славим карающий клинок. Смертью одной искупается мир многих».

Слова были выбиты глубоко, четко, с идеальным интервалом. Каждая буква представляла собой выемку в серебре, залитую смоляным черным лаком.

Я обмакнула войлок в спиртовую суспензию и принялась методично, круговыми движениями снимать белесый налет с металла. Спирт испарялся мгновенно, оставляя на коже резкий, сухой холод.

В десяти шагах от меня двое техников в рясах колдовали над соседней плитой.

— Напряжение в шестом узле не держит, — негромко, но раздраженно говорил старший, подкручивая бронзовый винт на заземляющей шине. — Вчерашний сбой потянул за собой всю столичную дугу. Совет требует поднять плотность трансляции к пятой неделе, а у нас стекло греется, словно в него плеснули серной кислоты.

— Говорят, на вступительном круге девчонка отказалась читать развязку, — отозвался второй, моложе, подавая мастеру клещи. — Руна Редактора вскрылась прямо в базальте. Если ее признают кандидаткой в Королевы, зеркала придется перенастраивать заново. Прежний текст клятвы не удержит такой объем сопротивления.

— Перенастроят, — буркнул старший. — Севера знает, как затягивать гайки. Наденут обруч — запоет как миленькая. Никто еще из Дома Масок не уходил без финальной точки. Шевели клещами, пора давать проверочный импульс.

Они отошли к кабельному колодцу в центре зала.

Я осталась одна на мостках.

Гул девятого зеркала усилился. Тёмное стекло перед моим лицом колыхнулось, утрачивая монолитную плотность.

Оно перестало казаться твердым камнем — теперь это была застывшая, маслянистая бездна, в глубине которой медленно, по спирали вращались мутные пепельные хлопья. Словно на дне глубокого колодца кто-то потревожил слой вековой сажи.

Я знала, что нахожусь под наблюдением. Мастер Кассиан стоял у центральной тумбы, сверяя записи в пергаментном журнале.

Но возможность была слишком редкой, чтобы отступить.

Я опустила войлок. Медленно, не делая резких движений, повернула правую руку тыльной стороной вверх. Теневая линия под манжетой отозвалась мгновенной, пульсирующей судорогой. Она не просто жгла — она тянулась к зеркалу, словно стрелка компаса к куску магнетита.

Я сняла перчатку.

Мои пальцы коснулись серебряной рамы в том месте, где чеканная строка гласила: «Смертью одной искупается мир многих».

Холод металла ударил в подушечки пальцев, но следом за ним пришло другое ощущение.

Шов.

Тот самый шов, который я нащупала два дня назад в плите приемного покоя. Он не был физической трещиной в камне или металле. Это была граница между живой материей и наложенным сверху магическим предписанием — стык, в котором государственная ложь насильственно сшивала чело-

века с его назначенной ролью.

Я закрыла глаза на полвдоха, настраивая внутреннее зрение канцеляриста, ищущего зачищенную строчку в фальшивой купчей.

И мир сдвинулся.

Серебряная рама вспыхнула под моими пальцами нестерпимым, серебристым свечением. Тонкие резные буквы официальной клятвы дрогнули, поплыли, как растопленный сургуч на горящей свече. Из-под черного лака, из самой глубины серебряной отливки, на свет начал проступать нижний слой.

Древний. Стёртый. Забитый сверху казенным чеканом сотни лет назад.

Я увидела его так отчетливо, словно кто-то смахнул пыль с полуистлевшей архивной страницы. Буквы старого договора были тонкими, изломанными, написанными не ритуальным канцелярским слогом, а резкими, почти отчаянными знаками первой эпохи Предания.

Они требовали дыхания. Они требовали платы.

Моя Редактура вцепилась в старый текст. Серебряный знак на моем запястье ослепительно полыхнул сквозь кожу.

В ту же секунду в моей голове словно лопнула натянутая струна.

Удар был бесшумным, но чудовищным по силе. Воздух выбило из легких, перед глазами встала белая пелена, а в затылке разлилась острая, сосущая пустота — так бывает, когда с книжной полки с размаху выдергивают тяжелый том,

оставляя лишь зияющую щель между переплетами.

Я судорожно вцепилась пальцами в холодный край поста-
мента, пытаюсь удержать равновесие.

Сердце колотилось в горле. В ушах звенело.

Что это было?

Я судорожно пробежалась мыслями по памяти, проверяя
сохранность собственного сознания.

Имя: Лиора Вельт. Двадцать два года. Ревен, судебная па-
лата, четыре года работы переписчиком. Младшая сестра —
Несса, шестнадцать лет, тонкая метка на правом запястье,
родинка над левой ключицей. Мать — Элара Вельт, казнена
на площади Вейры семь лет назад. Отец...

Я замерла.

Дыхание перехватило.

Отец. Мартин Вельт. Чиновник земельного кадастра.
Умер от легочной горячки, когда мне было четырнадцать.
Я помнила его сухой, надсадный кашель за тонкой перего-
родкой. Помнила запах его табака с примесью сушеной мя-
ты. Помнила чернильные мозоли на его указательном пальце
и то, как он учил меня правильно затачивать гусиное перо,
держа лезвие ножа под углом к срезу. Помнила серый доща-
тый гроб на кладбище за ревенскими мельницами под косым
осенним дождем.

Но когда я попыталась вспомнить его глаза...

Там была пустота.

Абсолютная, выскобленная добела слепая зона. Я знала,

что у него были глаза. Знала, что он смотрел на меня, когда передавал мне свои гроссбухи. Но какого они были цвета? Карими? Серыми, как у меня? Водянисто-голубыми? Зеленоватыми, как болотная вода?

Я не могла вспомнить. Образ его лица распадался, словно портрет, нарисованный углем, по которому провели мокрой тряпкой. Лицо было, но вместо глаз на холсте зияли две плоские, серые дыры.

Память исчезла.

Не забылась, как забывают мелкие бытовые детали или имена случайных прохожих. Ее вырвали из ткани души с корнем, оставив лишь сухой, безжизненный факт в протоколе: «У отца были глаза, но ты никогда больше не увидишь их цвет».

Такова была цена.

Редактура не брала золота или крови. Она питалась тем, из чего состояла личность: прожитыми сценами, эмоциональной тканью воспоминаний, голосами и красками прошлого. Я заплатила отцом за то, чтобы прочесть то, что государство вычеркнуло из зеркал.

Ужас сдавил горло ледяной петлей. Хотелось отдернуть руку, зажать лицо ладонями, закричать от этой непоправимой, навечно отнятой потери. Но годы в судебной канцелярии вымуштровали во мне железный, почти механический инстинкт самосохранения: если покажешь рану палачу, он ударит прямо в нее.

Я сжала зубы так, что хрустнули челюсти, и не убрала пальцы от рамы.

Если цена уже уплачена — я заберу то, за что отдала кусок своей жизни.

Я снова посмотрела на очищенный участок серебра.

Старый слой угасал. Серебряное сияние таяло, ритуальный контур зеркала восстанавливался, выталкивая чужеродную силу наружу. Буквы древнего текста расплывались, затягиваясь маслянистой пленкой черного лака.

Я успела разобрать лишь одну строчку. Четыре слова, выбитые прямо под казенной фразой о карающем клинке:

«...не одна несёт цену...»

Не одна.

Смысл этих четырех слов ударил в виски с тяжестью свинцовой гири.

Вся официальная доктрина Предания, все тридцать томов учебников наставника Вейна, все речи ректора Северы Норр держались на одном незыблемом постулате: Чёрная Королева — единственный, абсолютный искупительный сосуд. Она аккумулирует мрак. Она принимает в себя вину поколения. И ее публичная смерть под ударом Золотого Героя закрывает брешь, спасая миллионы ценой единственной, заранее приговоренной жизни.

«Смертью одной искупается мир многих».

Но первоначальный ритуал говорил другое.

«Не одна несёт цену».

Там, в истоках создания защитного купола, не было одинокой жертвы на эшафоте. Там был другой договор. Другой порядок распределения тяжести, который королевство позже переписало, превратив Академию Масок в конвейер по производству удобных, изолированных смертниц.

— Эй, адептка! — раздался сзади резкий, командный окрик.

Я мгновенно, одним слитным движением опустила рукав платья, прикрывая вспыхнувшую метку, и с силой прижала войлочный круг к серебряной раме, делая вид, что ожесточенно затираю пятно спиртового налета.

По мосткам тяжело застучали подошвы.

Мастер Кассиан остановился в двух шагах за моей спиной. Его оспенное лицо было нахмурено, глаза цепко сканировали поверхность зеркала и мои руки:

— Ты что здесь застыла? Почему линия вибрирует?

— Здесь вьевшийся нагар от вчерашней вспышки, мастер.
— Я прижала войлок к серебру еще раз, хотя внутри все еще клокотала глухая пустота утраты. — Спирт не берет. Пришлось надавить сильнее, чтобы снять окисел с фаски.

Кассиан подошел вплотную, наклонился к серебру. Провел узловатым пальцем по металлу — ровно по тому месту, где секунду назад горели буквы древней клятвы.

Серебро было гладким, холодным и черным. Никаких следов. Никаких трещин.

Мастер перевел подозрительный взгляд на мое лицо. Я

смотрела на него снизу вверх с тем тупым, покорным выражением усталости, с которым мелкие переписчики сдавали отчеты ревизорам после двенадцати часов непрерывной работы со счетами.

— Нагар снимай круговыми движениями, а не дави со всей дури, — буркнул он, отступая на шаг. — Зеркало чувствительно к нажиму. Еще раз качнешь резонанс — вылетишь отсюда обратно на нижние кухни. Норма по девятому номеру принята. Переходи к десятому.

— Слушаюсь, мастер.

Он развернулся и пошел обратно к центральному пульта, что-то недовольно выговаривая младшим техникам.

Я медленно перевела дыхание.

Опустила взгляд на свои пальцы. Они мелко, едва заметно подрагивали. Под кожей правого запястья тускло тлел серебряный контур Редактора — теперь я знала его истинную, страшную природу. Он не давал власти даром. Он выжигал воспоминания, превращая прошлое в сухие юридические конспекты.

Но у меня в руках была зацепка.

Государственный миф дал трещину не только на арене — он треснул здесь, в фундаменте тридцати шести трансляторов. Старый обряд существовал. И его формула требовала иного исхода.

Я подняла суконную тряпку, взяла банку с полиролью и шагнула к десятому зеркалу.

До выпускной ночи оставалось восемьдесят три дня. И теперь я точно знала: моя мать умерла не потому, что закон был непогрешим, а потому, что кто-то очень тщательно стёр из Предания имена тех, кто должен был разделить с ней эту цену.

Глава 4

Дисциплинарный конвой не брал меня под локти — в Доме Масок сохраняли видимость приличий, пока воспитанница не начинала вырываться.

Два надзирателя в стеганых суконных безрукавках просто шли по бокам, держа ладони на деревянных рукоятях шоковых тростей. Мы миновали караульный пост зеркального зала, но повернули не к жилым ярусам, а на север, в узкую галерею, где гранитные стены больше не закрывали деревянными панелями. Здесь под ногами хрустел мелкий известковый щебень, а в узкие щели бойниц хлестал сквозняк с перевала.

Через сто шагов пол пошел под уклон. Стены покрылись тонким налетом белесой копоти — старой, въевшейся в базальт, пахнувшей холодным очагом и горелым камнем.

Пепельное крыло.

В судебных ведомостях столицы это место значилось как Сектор специальной изоляции номер три. Восемь лет назад здесь располагались лаборатории трансмутации ролей, но после неудачного мятежа корпус выгорел изнутри. Власти не стали восстанавливать перекрытия: проходы перегородили коваными решетками в руку толщиной, установили подавляющие контуры и превратили руины в тюремно-учебный блок.

Надзиратель остановился перед глухой железной дверью, обитой полосами черненой меди. Достал из поясного кармана тяжелый ключ с длинной бородашкой, провернул его трижды. Замки щелкнули с сухим, ржавым лязгом.

— Курс контргероической тактики, — конвойный даже не посмотрел на меня, толкая створку плечом. — Срок занятия — два академических часа. Нарушение дистанции карается разрядом в контур. Входить.

Я переступила порог, и дверь за моей спиной немедленно захлопнулась.

Зал когда-то был сводчатой оружейной палатой. Высокие каменные ребра свода уходили в полумрак, где под закопченными плитами чернели массивные железные кольца для лебедек. Окон не было — только три вытяжные шахты под потолком, сквозь которые доносился приглушенный вой ветра. Помещение освещали две масляные жаровни, стоящие прямо на каменном полу. В их красноватом, колеблющемся чаду длинные тени метались по стенам, ломаясь на выступах базальтовых пилонов.

Посреди зала стоял длинный дубовый стол, заваленный металлическими щитами, кусками разорванных кольчуг и учебными макетами мечей.

А за столом стоял мужчина.

Он не был похож на наставников академии. Ни суконной рясы с серебряными знаками Ордена, ни строгой накрахмаленной стойки Северы Норр. На нем была простая рубаха из

грубого небеленого льна с закатанными до локтей рукавами и темные дорожные штаны, заправленные в сапоги из мягкой яловой кожи без пряжек. На вид ему было не больше тридцати. Высокий, широкоплечий, с резкими, хищными чертами лица и темными, почти черными волосами, небрежно зачесанными назад. На левой скуле, спускаясь к ключице, белел старый рваный шрам — след рунического ожога, который не смогли свести лекари.

Но главное было на его руках.

От широкого железного ошейника на его шее шла тяжелая, звеньевая цепь из темного, матового металла без блеска. Она спускалась по груди, обвивала его правое предплечье и уходила в массивное чугунное кольцо, вплавленное прямо в фундамент центральной колонны. Длины цепи хватало ровно на то, чтобы сделать пять шагов в любую сторону от стола.

Цепь Короны.

Я читала о таких в уголовных приложениях к своду законов: артефакт абсолютного подавления воли, созданный для удержания носителей теневых титулов высшей категории. Железо не давало ему покинуть пределы периметра и сжигало заживо при попытке причинить прямой вред администрации.

Рейнар Кейн. Бывший Тёмный Лорд мятежа семилетней давности. Единственный выживший предводитель восстания, чье имя королевские глашатаи до сих пор произносили шепотом.

Он не повернулся на звук захлопнувшейся двери. В его руках был длинный стальной стилет — настоящий, боевой, с узким граненым клинком. Он методично, короткими точными движениями соскабливал с полированного нагрудника полосу сургучной печати.

— Вы опоздали на четыре минуты, госпожа Вельт, — произнес он.

Его голос был низким, чуть глуховатым, с той опасной, бархатной ленцой, за которой всегда прячется взведенная пружина. В нем не слышалось злости надзирателя или чванства столичного чиновника. Так разговаривали опытные следователи тайной канцелярии, знающие, что обвиняемый уже никуда не уйдет.

— Меня задержали в Зале Зеркал, — ответила я, оставаясь у порога. Под подошвами хрустнул пепел.

— Знаю, — он отложил нагрудник и наконец поднял глаза.

Взгляд его темных, почти антрацитовых глаз был прямым, холодным и пугающе цепким. Он не оценивал мое платье или растрепавшиеся волосы. Он смотрел так, словно изучал структуру древесины перед тем, как вогнать в нее клин.

— Кассиан наклат докладную коменданту за двадцать минут. «Адептка вызвала неконтролируемую вибрацию девятой рамы при выполнении регламентных работ». Старый дурак решил, что вы пережали полировочный круг.

Рейнар медленно обошел стол. Железная цепь заскользи-

ла по камню с глухим, сытым шорохом, похожим на движение сытой змеи по гравию. Он остановился в трех шагах от меня — на пределе натяжения звеньев.

— Подойдите к столу, Лиора.

Я не двинулась с места.

В судебной палате Ревена первое, чему учили помощников следователя, — никогда не сокращать дистанцию с подсудимым, пока не проверен статус конвоя. Я окинула взглядом его фигуру, цепь, уходящую в пол, и пустую стену за его спиной.

— На каком основании? — спросила я ровно.

Рейнар едва заметно приподнял бровь:

— Это учебный класс. Я ваш инструктор по контргероике. Этого недостаточно?

— Нет, — я сделала полшага вбок, удерживая в поле зрения и его, и тяжелый дубовый брус стола. — В уставе Академии Масок четко прописаны полномочия преподавательского состава. Наставник обязан иметь серебряную печать Ордена Свидетелей, журнал текущей аттестации и право наложения дисциплинарных взысканий. У вас на шее ошейник смертника. У вас нет журнала. И у вас нет знака права распределять баллы.

Я указала подбородком на его свободную левую руку:

— Вы не наставник, господин Кейн. Вы — заключенный надзорного блока, которого администрация использует для узкоспециальных консультаций. Вы не имеете права прика-

зывать адептам, не можете назначить мне карцер и не можете повлиять на мой выпускной балл.

В полутемном зале повисла тишина. Слышно было только, как в жаровне треснул уголь, выбросив сноп мелких рыжих искр.

На губах Рейнара Кейна медленно, очень медленно проступила усмешка.

Не злая. Сухая, колючая, с едва уловимой тенью мрачного удовлетворения.

— Четыре года переписки протоколов в уездном суде не прошли даром, — проговорил он, скрестив руки на груди. Звенья цепи звякнули о пряжку ремня. — Вы цепляетесь за букву инструкции даже в подвале, где пахнет трупной гарью. Это похвально. Большинство дур, которых сюда присылают из Дома Масок, падают в обморок при виде этой железяки на моей шее.

— Я видела достаточно кандалов в судебных подвалах Ревена, чтобы не бояться звука металла, — парировала я. — Меня прислали сюда на два часа. Если вам поручено провести разбор тактических ошибок — проводите его от стола.

— Разбор ошибок? — он тихо, коротко рассмеялся. Звук был похож на скрежет сухого клинка о ножны. — Вейн уже поставил вам десятку за технику и черную метку за строптивость. Разбирать там нечего: вы сломали шаблон, потому что отказались быть куклой. Но Вейн — дурак. Он учит вас, как красиво падать под ноги Золотому Герою. А я должен

научить вас понимать, почему этот Герой вообще способен вас убить.

Он развернулся, подошел к столу и с глухим стуком бросил на полированное дерево два круглых бронзовых диска размером с чайное блюдце.

— Подойдите. Я не стану на вас бросаться, Вельт. Во-первых, это бесполезно — ошейник выжжет мне гортань раньше, чем мои пальцы коснутся вашей шеи. Во-вторых, мне скучно ломать людей, которые умеют читать законы.

Я помедлила секунду, взвешивая риски, затем шагнула к столу, остановившись ровно на расстоянии вытянутой руки от края столешницы.

На бронзовых дисках были выбиты рельефные изображения. На первом — фигура рыцаря с поднятым сияющим мечом, окруженная лучами солнца. На втором — женщина в зубчатом венце, сжимающая в ладонях клубок черного дыма. Якоря двух главных ролей Предания.

— В чем разница между ними, Лиора? — спросил Рейнар, не глядя на меня. Он снова взял в руки стилет, вертя его между длинными, узловатыми пальцами.

— В полярности магического заряда, — ответила я казенной формулой из учебника. — Солнечная метка концентрирует светлую энергию верхов, теневая метка аккумулирует тяжелые фракции первородного хаоса.

— Ложь, — бросил он холодно. — Сказка для провинциальных дураков и благородных идиотов из Коллегиума.

Энергия едина. Разница лишь в одном: за спиной Героя стоят сотни тысяч людей, которые искренне верят, что он обязан победить.

Кончик его стилета с сухим стуком опустился на диск с рыцарем.

— Предание — это не магия стихий. Это магия коллективного согласия. Когда юный щегол в золотых латах выходит на площадь, его клинок режет сталь не потому, что он силен физически. Его ведет вперед совокупная воля толпы. Тридцать шесть городов смотрят в зеркала и кричат: «Убей ее!» И этот крик уплотняет воздух вокруг его меча, превращая обычное железо в абсолютный таран. А злодейка...

Стилет переместился на второй диск, с силой оцарапав изображение короны:

— Злодейка проигрывает не потому, что слабее. Ее роль заранее сужена ожиданиями тех же самых людей. Общество ждет от нее ошибки. Ждет высокомерия, слепоты, рокового промаха на пятом темпе. И Предание навязывает этот промах ее телу через судорогу мышц, через помутнение рассудка, через паралич воли. Она начинает верить, что обязана умереть. И умирает.

Я вспомнила песчаную арену. Ту самую липкую, маслянистую петлю, которая пыталась сковать мое правое плечо перед золотым фантомом.

— Но если разорвать ожидание? — спросила я, глядя на царапину на бронзе. — Если отказаться совершать предпри-

санную ошибку?

— Тогда система начинает сбоить, — Рейнар поднял голову, и в его взгляде сверкнул опасный, лихорадочный огонь. — Пространство дает трещину. Возникает разрыв, сквозь который в мир лезут Неписанные — те, кого вычеркнули из текста Предания. Ректор боится этих разрывов больше, чем конца света. Именно поэтому Вейн вклеил вам взыскание. Вы не просто уклонились от удара — вы показали, что исход можно оспорить.

Он замолчал, внимательно вглядываясь в мое лицо.

— Но вы сделали кое-что похуже, Лиора. На вступительном круге. Вы не просто отказались от формулы. Вы полезли внутрь самого текста.

Он сделал шаг в мою сторону. Цепь натянулась, звенья зазвенели от напряжения.

— У этого есть название. Редактура. Редчайшая аномалия теневой метки. Способность видеть швы между человеком и его назначенной ролью. Настолько редкая, что Севера не приказала утопить вас в приливной яме только по одной причине: Чёрная Корона не садится на пустые сосуды. Ей нужен тот, кто способен удерживать форму под колоссальным давлением.

Я почувствовала, как под манжетой платья слабо, предупреждающе кольнуло запястье.

— Зачем вы мне это рассказываете, Кейн? — Я посмотрела на тяжелую цепь, уходящую от его ошейника к стене.

— Если вы хотите напугать меня масштабом катастрофы — вы ошиблись адресом. Я приехала сюда не за сказками о величии ролей.

— Я знаю, зачем вы приехали, — перебил он. Его интонация изменилась — исчезла насмешка, остался лишь глухой, расчетливый нажим. — Дочь Эларты Вельт не стала бы добровольно совать голову в пасть Академии Масок ради жалкой должности уездного архивариуса. Вы ищете дело матери. Ищете правду о том, почему ее казнили на площади, а ее имя выскоблили из государственных летописей.

Мое дыхание перехватило на долю секунды, но лицо не дрогнуло.

— Это закрытый архив. Доступ только после выпуска.

— До выпуска вы не доживете, — отрезал он жестко. — Севера наденет на вас Чёрную Корону на шестой неделе. А на двенадцатой — мальчик из Геройского колледжиума проткнет вам сердце освященным мечом под рев толпы. Вас приготовят на убой точно так же, как приготовили ее. Вы не успеете переступить порог верхнего спецхрана.

— А у вас, разумеется, есть другой путь? — я прищурилась, чувствуя классическую ловушку вербовщика. — Служебный ход? Тайная дверь? И вы отдадите мне ключ из чистой благотворительности?

— В этих стенах нет благотворительности, девочка, — Рейнар криво усмехнулся. — Здесь торгуют только тем, за что можно заплатить кровью или свободой. Под этим кры-

лом лежит старый технический туннель. Он соединяет стогрившие лаборатории с Сердечным архивом в обход постов Ордена Свидетелей. Я могу показать вам проход. Могу научить, как обойти теневые капканы Северы.

— А цена?

Он опустил стилет на стол, наклонился вперед, уперев кулаки в дерево:

— В Сердечном архиве три контура защиты. Первый открывается ключом Пепельного крыла — он у меня есть. Второй требует печати дворянского каталога. А третий... третий контур запечатан живым ритуальным узлом. Текстом на древнем наречии Предания, который выжигает глаза любому, кто пытается его взломать. Мне нужен человек, способный прочесть этот шов и ослабить его. Мне нужен Редактор.

Сделка. Чистая, неприкрытая служебная сделка между двумя преступниками под крышей государственной тюрьмы.

— Вы хотите сбежать, — констатировала я.

— Я хочу закончить то, что мы начали семь лет назад, — глухо отозвался он. — И уничтожить эту скотобойню до того, как она перемолет следующее поколение. Вы получите дело матери и способ спасти сестру. Я получу доступ к узлу. Мы не клянемся друг другу в вечной верности. Никакой магии подчинения. Только добровольный обмен информацией. Вы делаете шаг — я делаю шаг.

Я смотрела на него, взвешивая каждое слово. Бывший Тёмный Лорд был опасен не потому, что носил на себе следы

древнего мятежа. Он был опасен своим абсолютным, ледяным прагматизмом. Человек, который однажды уже поставил на кон сотни жизней ради великой цели, не задумываясь пожертвует пешкой, если посчитает размен выгодным.

Но другого входа в архив у меня не было. Библиотека за перта. Севера держит меня на прицеле. Двенадцать недель таяли, как лед на горячей жаровне.

— Прежде чем я соглашусь обсуждать условия, — медленно произнесла я, — я должна знать: вы действительно понимаете, как устроен этот текст? Или вы просто ищете смертника, который примет удар ловушки на себя?

Рейнар медленно выпрямился.

Цепь звякнула, скользнув по его бедру.

— Я видел, как работает Редактура, Лиора. Семь лет назад. И я знаю ее цену. За каждое исправленное слово мир берет плату памятью. Вы уже почувствовали это?

Холодная волна прокатилась по спине.

Перед внутренним взором мгновенно всплыло пустое, плоское пятно на месте лица отца. Тот самый серый провал, где еще вчера жили воспоминания о цвете его глаз. Я не говорила об этом никому. Ни единой живой душе в академии.

Он знал.

Значит, он видел это раньше. Видел на ком-то другом.

Я сделала медленный вдох, загоняя страх глубоко внутрь, туда, где он превращался в расчетливую злость судебного переписчика.

— Я была у девятого зеркала, — тихо, но отчетливо сказала я, глядя ему прямо в зрачки. — Час назад. Я коснулась рамы. Под официальной клятвой лежит второй текст. Я стерла казенную строку и увидела старый слой.

Рейнар замер.

Его пальцы, лежавшие на краю стола, побелели от страшного, внезапного напряжения. Ленца слетела с его лица за долю секунды, обнажив дикую, пугающую концентрацию хищника, почуявшего след.

— Вы... что вы прочли? — его голос упал до хриплого, вибрирующего шепота.

— Четыре слова, — ответила я, делая шаг назад и возвращая себе безопасную дистанцию. — «Не одна несёт цену». Больше я вам не скажу ни буквы, господин инструктор. Не раньше, чем увижу план Пепельного туннеля и доказательства того, что вы способны довести меня до архива живой.

Рейнар смотрел на меня так, словно видел впервые. В его темных глазах плеснуло что-то сложное, темное, похожее на яростное, выстраданное торжество, смешанное с глухой горечью.

Он медленно опустил голову, глядя на свои руки, оплетенные тяжелым железом.

— «Не одна несёт цену»... — повторил он одними губами, пробуя фразу на вкус, как глоток горького вина после многолетней жажды.

Затем поднял взгляд на меня.

И когда он заговорил снова, в его голосе больше не было металла допроса. В нем прозвучало нечто куда более опасное — живая, личная, не стертая годами одиночной камеры память.

— Ты стоишь точно так же, как она, — произнес Рейнар тихо. — Плечи назад, подбородок вверх, а в глазах — холодная готовность перерезать горло любому, кто попытается вычеркнуть твое имя из протокола. Элара делала то же самое лицо, когда собиралась пойти против всего Королевского совета.

Он произнес имя моей матери.

Не так, как произносил его следователь в ревенском суде, зачитывая обвинительный приговор. Не так, как произносила его Севера Норр, чеканя слог казенной вины.

Он произнес его мягко, с легкой, почти незаметной теплотой на гласных.

Так называют человека, с которым делили хлеб у походного костра. Человека, чьи шаги узнавали в темноте коридоров.

Человека, чей живой смех он слышал собственными ушами задолго до того, как золотой меч рассек ее тень над ликующей толпой столицы.

За дверью оружейной палаты тяжело и гулко ударил колокол, возвещающая об окончании дисциплинарного часа.

В замке повернулся ключ. Конвой вернулся.

Но мост между нами уже был переброшен. И сжечь его не

могла ни одна цепь в этом королевстве.

Глава 5

Ущелье Волчий лог начиналось в двух милях к северу от крепостных стен, там, где Чёрный утёс раскалывался надвое глубоким, заваленным базальтовыми глыбами каньоном.

Здесь не росло ничего, кроме чахлого горного вереска и мха цвета застарелой медной зелени. Ветер, зажатый между отвесными гранитными кручами, выл низко и монотонно, бросая в лицо колючую ледяную крупу. На дне ущелья лежала старая почтовая дорога — выбитая в скале колея, соединявшая территорию Академии Масок с каменным виадуком Геройского колледжиума.

Двенадцать студенток нашего потока стояли в тени нависшего скального карниза.

Форменные шерстяные платья сменили на плотные кожаные куртки без знаков отличия, серые суконные штаны и высокие сапоги с железными шипами на подошвах. Лица девушек скрывали полумаски из тонкой вороненой стали, оставлявшие открытыми только глаза и губы. От дыхания металл масок мгновенно покрывался изнутри мокрой холодной испариной.

— Диспозиция стандартная, — негромко бросила Селена Мар.

Она стояла на выступе скалы чуть выше остальных, опираясь рукой в черной перчатке на эфес короткого кавалерий-

ского палаша. Ветер трепал полы ее темно-зеленого плаща. На ее правом запястье тускло поблескивал массивный фамильный браслет с оскаленной пастью волка.

— Учебный караван Коллегиума выйдет из-за южного поворота через шесть минут, — чеканила Селена, глядя вниз, на петлю дороги. — В головном дозоре — трое третьекурсников с солнечными знаками. В центре — тяжелая повозка с железным коробом. Задача нашего звена: опрокинуть повозку, вскрыть запоры, вытащить манекен заложника и обозначить ритуальную казнь на глазах у наступающего авангарда.

— А дальше? — тихо спросила стоявшая рядом со мной Тавия.

Она нервно перебирала пальцами в кармане пояса, где в жестких кожаных гнездах позвякивали стеклянные шары с удушливым серным дымом. Ее лицо под стальной маской было белым, как сухой мел.

— А дальше на третьей минуте боя к кадетам подходит резерв из верхнего форта, — Селена даже не повернула головы. — Мы принимаем круговую оборону у опрокинутого фургона, держим строй четыре темпа, после чего каждая обязана подставиться под разоружающий контур. Я сдаю позицию первой, как старшая по роли. Вы отступаете к осыпи и бросаете оружие в снег.

— И получаем свои восемь баллов за правильную покорность, — закончила я, проверяя натяжение ремней наруча на правом предплечье.

Селена медленно перевела на меня холодный, прищуренный взгляд:

— Ты получишь ровно столько, сколько положено по регламенту, Вельт. Если вздумаешь снова ломать рисунок, как на арене у Вейна, я лично собью тебя с ног подсечкой и сдам кадетам. Мне не нужны штрафные баллы всего звена из-за провинциальной переписчицы, возомнившей себя судьей.

— Не утруждайся, Мар, — ровно отозвалась я. — Твои баллы останутся при тебе.

В сотне ярдов позади нас, на выступе разрушенной сторожевой башни у края обрыва, застыла высокая фигура.

Наставник Вейн в своей неизменной суконной рясе с серебряной цепью Свидетеля держал в руках длинную подзорную трубу. А чуть в стороне от него, привалившись спиной к обледелой кладке, стоял мужчина в черной холщовой куртке. Рейнар Кейн. Его правая рука покоилась на поясе, а тяжелая цепь Короны змеилась по камням, уходя в железное кольцо, вбитое прямо в основание башни. Бывший Тёмный Лорд присутствовал на испытании как принудительный тактический контролер — без права вмешиваться, без голоса при оценке, просто как живой балласт, гарантирующий, что учебная теневая магия студенток не выплеснется за границы оцепления.

Он не смотрел на дорогу. Его немигающий, тяжелый взгляд был направлен вниз — прямо на меня.

Из-за скального поворота донесся глухой стук копыт и

скрип несмазанных колесных ступиц.

— Пошли, — скомандовала Селена, первой соскальзывая по крутой осыпи в каньон.

Мы спустились тремя двойками, бесшумно, прижимаясь к мокрому базальтовым стенам.

Обоз двигался ровно посреди колеи. Четверка тяжелых битюгов волокла массивную повозку с высокими бортами из толстых дубовых брусьев, окованных полосовым железом. Впереди на вороных конях ехали трое кадетов Геройского коллегіума — рослые парни в белых полудоспехах с золотым тиснением на нагрудниках, с легкими кавалерийскими пиками в руках. На козлах повозки сидел возница в глухом капюшоне, а прямо позади него, на деревянном помосте, был привязан пеньковыми канатами кожаный манекен человека в натуральную величину.

Кукла имитировала высокородного пленника: шелковый колет, растрепанный парик, руки заломлены за спину. В центре ее груди горел крошечный алый кристалл — ритуальное «сердце», которое нападающие должны были разбить ударом кинжала, обозначая смертельную расправу.

— Тавия — дым под ноги головным! — свистящим шепотом бросила Селена. — Вторая пара — рубите построшки!

Тавия метнула два стеклянных шара.

Они ударились о камни перед мордами коней с сухим треском. Мгновенно вспухло густое, желтоватое облако едкого дыма с запахом жженого пера и селитры. Лошади испу-

ганно заржали, взвиваясь на дыбы. Кадеты в белых кирасах слаженно осадили коней, вздымая пики, с наконечников которых сорвались снопы яркого, янтарного света.

— К бою! — крикнул старший дозора звонким, поставленным голосом. — Теневые в ущелье! Защитить повозку!

Завязалась схватка. Все шло строго по академическим канонам: студентки выскакивали из тумана, навязывали короткие размены клинками, отступали, кружили вокруг фургона. Звенела сталь, вспыхивали защитные заклинания солнечной магии, серый дым стелился по дну лощины.

Я рванулась к правому борту повозки, держа в руке учебный стилет.

И в тот момент, когда мои пальцы вцепились в железный поручень фургона, я увидела это.

Глаза переписчика сработали быстрее страха.

На дубовых бортах повозки, прямо под слоем дорожной грязи, были вырезаны руны. Не учебные контуры Коллегиума, призванные оглушать или фиксировать попадания.

Это были узлы Предания.

Тонкие, глубокие борозды в дереве, заполненные застывшей смолой пополам с толченым чёрным стеклом. Они оплетали всю повозку, сходясь в единый сложный узел прямо под деревянным помостом, на котором сидел привязанный манекен.

Я мгновенно прочла структуру магического плетения.

Это была не оборонительная цепь. Это была капканная

схема с двойным дном.

Официальный сценарий требовал: злодейка взбирается на борт, заносит стилет над «сердцем» заложника, и в этот момент защитные чары повозки должны были сработать на сдерживание, дав кадету возможность поразить нападающую ударом в спину.

Но руны на повозке говорили другое.

Как только сталь моего стилета коснулась бы алого кристалла на груди манекена, цепь из чёрного стекла замкнулась бы намертво. Она не просто активировала световой шокер. Она перекачивала импульс убийства обратно в мою теневую метку, намертво запечатывая ее структуру. Тот, кто наносил удар, физически закреплял за собой роль палача: магический контур прошивал нервную систему, лишая возможности уклониться от ответного удара меча сзади.

Развязка была не просто predetermined. Она была вшита в механизм повозки, как скрытая пружина в самостреле. Кадет сзади даже не должен был целиться — рунический поток сам притянул бы его светящийся клинок точно между моих лопаток.

А сзади уже приближался конный дозорный.

Я слышала тяжелый храп его коня, видела боковым зрением, как поднимается сияющий золотом наконечник пики. Через три секунды сценарий захлопнется. Я ударю манекен, получу разряд в кость, упаду в снег под копыта, и Севера Норр запишет в моем деле: «Склонна к слепому насилию.

Роль Чёрной Королевы ложится без сопротивления».

— Вельт, бей его! — яростно крикнула Селена из-за колеса, отбивая палашиком выпад второго кадета. — Бей кристалл, дура, мы не удержим фланги!

Я посмотрела на привязанную куклу.

На безликую маску из грубой свиной кожи. На веревки, стягивавшие ее деревянные сочленения.

«Злодейка обязана разрушить».

Вся система ждала одного: я должна была доказать, что я чудовище. Пусть на учебном полигоне. Пусть на соломенном чучеле. Общественное ожидание требовало крови жертвы.

Но в уголовном праве Эстории существовала статья о крайней необходимости: действие, направленное на устранение опасности для жизни третьего лица, отменяет состав преступления, если опасность не могла быть устранена иными средствами.

Я перехватила стилет.

И вместо того чтобы вонзить клинок в алый кристалл на груди манекена, я с силой полоснула лезвием по пеньковым веревкам, стягивавшим его руки.

Веревки лопнули.

Я ухватила тяжелую куклу за кожаный воротник, сдернула с помоста и, развернувшись всем корпусом, швырнула ее через борт повозки — прямо в узкую расщелину между базальтовыми валунами, подальше от копыт и светящихся пик.

А затем сама прыгнула следом, прикрыв чучело собствен-

ным телом.

Тишина ударила по ущелью, как рухнувший пласт снега.

Руническая цепь на повозке, потеряв точку приложения силы, взвыла на высокой, ультразвуковой ноте. Золотой наконечник кадетской пики с глухим треском вспорол пустой деревянный настил, выбив сноп щепок. В заложенном алгоритме испытания не было строки: «Злодейка спасает заложника от собственного удара».

Формула роли пошла трещинами.

В воздухе над повозкой что-то сухо, страшно хрустнуло — звук был похож на хруст ломающейся берцовой кости взрослого мужчины.

В ту же секунду серое небо над Волчьим логом потемнело, словно на него выплеснули ведро грязной туши.

Прямо посреди почтовой дороги, в трех шагах от колес фургона, пространство разорвалось.

Это не была магическая вспышка. Воздух просто треснул, как трескается толстое витринное стекло от удара молота, обнажив зазубренную, угольно-черную дыру шириной в два локтя. Из разлома не пахло гарью — оттуда пахнуло невыносимым, ледяным смрадом затхлой речной тины, гнилой бумаги и векового тлена. Смрадом забытых могил, из которых выскоблили имена.

Кони кадетов дико, истошно заржали, забились в оглоблях и рухнули на колени, ломая постромки.

— Назад! — заорал наставник Вейн с башни, но его голос

сорвался на визг. — Разрыв контура! Всем adeptам — отход на скалы!

Из черной трещины начала сочиться тень.

Она не имела постоянной формы. Это был колышущийся, полупрозрачный сгусток пепельного тумана, внутри которого медленно вращались обрывки чужих лиц, лоскуты форменной ткани, истлевшие ленты выпускниц и осколки чёрного стекла. Тень растекалась по камням, впитывая в себя тепло воздуха, и земля вокруг нее мгновенно покрывалась толстым слоем серого инея.

Неписаное.

То, что оставалось от людей, чью память и волю государственная машина перетерла в труху ради подпитки барьера.

Существо шевельнулось, нащупывая живое тепло. Его бесформенные щупальца потянулись к Тавии, которая застыла у колеса повозки, онемев от животного ужаса и выронив оставшиеся склянки с дымом.

— Тавия, беги! — крикнула я, вскакивая из расщелины.

Девушка не слышала. Ее зрачки расширились, заняв всю радужку. Пепельное щупальце Неписаного поднялось над землей, уплотняясь, превращаясь в узкое лезвие из черного зазубренного льда.

Кадеты в панике пятились вверх по склону — их хваленая солнечная магия гасла при одном приближении к разлому, как свеча на штормовом ветру. Они были обучены побеждать злодеек по нотам. Они не знали, что делать с тем, чего

не существовало в официальных реестрах.

Я сделала два быстрых шага вперед, вставая между Тавией и нарастающей тенью.

Вскинула правую руку.

Моя собственная теневая метка на запястье горела так, словно кость залили расплавленным свинцом. Разрыв пространства тянул из меня силы, пытаюсь превратить в такой же пустой, безымянный пепел.

Редактура.

Я не могла уничтожить эту тварь — у меня не было оружия, не было заклинаний высшего круга. Но я могла переписать связь. Могла вырезать строку притяжения между моей меткой и этим чудовищным прорывом.

Я впилась ногтями левой руки в собственное правое запястье, прямо поверх вспыхнувшего серебряного знака.

Кожа лопнула. Выступили темные, густые капли крови.

Я коснулась крови кончиками пальцев, нащупывая невидимый, натянутый, как струна, шов между моим телом и бушующей в ущелье тенью. И мысленно, со всей яростью канцеляриста, вычеркивающего фальшивый параграф из протокола, рванула этот шов на себя.

Мир вокруг взорвался ослепительно белой вспышкой.

Словно огромная железная рука проникла внутрь моего черепа, схватила кусок живой, пульсирующей плоти памяти и с мерзким чавкающим звуком выдрала его вон.

Боль была такой чудовищной, что я рухнула на колени,

ударившись чашечками о ледяной базальт. Воздух застрял в горле. В глазах потемнело.

Отец.

Мысль метнулась в глубину памяти, судорожно пытаюсь удержать то, что уходило.

Ревен. Дождливый ноябрь шесть лет назад. Узкая комната за кухонной перегородкой. Запах камфоры, сушеной малины и сырого известкового раствора. Отец лежит на узкой железной кровати, его лицо серое, исхудавшее, с глубокими тенями у впалых щек. На одеяле лежит его слабая, иссохшая рука с чернильными мозолями на суставах.

Я сижу рядом на табурете. Держу его холодные пальцы в своих ладонях.

Он медленно поворачивает голову. Его сухие, потрескавшиеся губы шевелятся. Он хочет сказать мне что-то самое главное. То, ради чего он держался последние двое суток, борясь с удушьем. То единственное, что должно было остаться со мной на всю жизнь, когда его не станет.

Я наклоняюсь к самым его губам. Чувствую его прерывистое, свистящее дыхание на своей щеке.

Он шепчет.

И... ничего.

Звук стерт.

В памяти осталась картинка: серые губы, движение челюсти, косой дождь, хлещущий в мутное оконное стекло. Но слова... слова исчезли навсегда. На месте его последней фра-

зы зияла абсолютно немая, мертвая тишина. Я знала, что он сказал мне что-то. Знала, что после этих слов я плакала три часа подряд, зажав рот углом подушки.

Но что это было? Напутствие? Прощение? Тайна матери? Предупреждение?

Пустота. Чистый, выскобленный ножом пергамент.

Слезы обожгли глаза, но это были слезы ярости, а не слабости.

Плата была принята.

Серебряная нить на моем запястье втянулась внутрь, и разрыв пространства потерял опору. Пепельное щупальце Неписаного, уже занесенное над головой Тавии, дернулось, утратило фокус и бессильно рассыпалось хлопьями серой сажи.

Но сама тень никуда не делась. Она колыхалась над повозкой, наливаясь тяжелой, свинцовой массой, готовая выплеснуться на дорогу сплошным валом.

В этот миг с башни раздался оглушительный, чудовищный лязг железа.

Сверху, рассекая туман, с высоты сорока футов рухнуло темное тело.

Рейнар Кейн приземлился на полусогнутые ноги прямо между повозкой и черной дырой разлома. Удар его кованых сапог о базальт расколол дорожную плиту.

Его левая рука была свободна, а на правой натянулась до белого каления тяжелая звеньевая цепь Короны, второй

конец которой остался намертво заклинен в кладке башни. Металл звеньев раскалился докрасна, выжигая кожу на его предплечье — темная шерсть куртки задымилась, запахло горелым мясом. На шее мужчины железный ошейник вспыхнул багровыми рунами подавления, впиваясь в гортань.

Рейнар зарычал от боли — глухо, по-звериному.

Он не произносил заклинаний. Он не призывал свет.

Он просто выбросил вперед открытую ладонь, навстречу наползающему мраку, и с силой сжал пальцы в кулак, натягивая цепь так, что в скале над нами затрещали вековые камни. Вокруг его фигуры поднялась стена тяжелого, маслянистого теневого давления — грубая, контргероическая сила высшей категории, которая смяла край разлома, как сминают лист сухой бумаги.

— Назад, тварь! — прохрипел он сквозь зубы. Из рта его брызнула кровавая пена. — Твое время вышло!

Неписаное зашипело, извиваясь под ударом его воли. Разлом начал сужаться, края трещины со скрежетом сходились, втягивая клубящийся пепел обратно в небытие.

Наставник Вейн уже бежал вниз по тропе, судорожно сжимая в руках серебряный амулет экстренной эвакуации, за ним поспевали четверо дежурных инспекторов в защитных мантиях.

Я стояла на коленях в снегу, сжимая кровоточащее запястье, не в силах оторвать взгляд от чернеющей щели.

И в последнюю секунду, прежде чем каменные плиты до-

роги сошлись с глухим, окончательным стуком, из глубины угасающей тени донесся звук.

Не рычание чудовища. Не вой ветра.

Чистый, молодой, бесконечно усталый девичий голос, прозвучавший прямо в моем сознании:

— Я тоже окончила эту академию...

Глава 6

Официальное разбирательство длилось сорок минут. В лазаретном крыле пахло уксусом, камфорным спиртом и застоявшейся известковой пылью. За длинным столом под надзором двух молчаливых Свидетелей сидел дознаватель комендантской службы — бледный чиновник с оловянным значком на лацкане суконного сюртука. Он даже не смотрел мне в глаза. Его перо с методичным, сухим скрипом чертило строки в бланке экстренного происшествия.

— Итак, адептка Вельт, — дознаватель промокнул чернила песчаной пудреницей. — Вы утверждаете, что в момент локального разрыва Предания слышали членораздельную речь?

— Я слышала девичий голос, — ответила я, глядя на полосу мутного утреннего света на подоконнике. — Четко. Без искажений. Голос произнес: «Я тоже окончила эту академию».

Дознаватель тяжело, с профессиональной усталостью вздохнул. Поправил очки в тонкой стальной оправе:

— В материалах полевого досмотра зафиксировано: в результате нарушения рунического контура фургона произошел резонансный выброс первородного хаоса. Теневой туман высокой плотности вызывает мгновенный отек слуховых каналов и кислородное голодание коры головного моз-

га. Слуховая аберрация третьей степени. Вы услышали собственный внутренний монолог, искаженный акустикой базальтовой расщелины.

— Мой внутренний монолог не обращается ко мне в прошедшем времени от чужого имени, — холодно заметила я.

— В протоколе записано: «слуховая аберрация на фоне острого стресса и самопроизвольной кровопотери», — отчеканил чиновник, даже не повысив голоса. Он придвинул ко мне лист: — Подпись в нижней графе. Подтверждение ознакомления с врачебным заключением.

Я посмотрела на бумагу.

Государственная ложь была сшита белыми нитками, но сшита по всем правилам канцелярии. Севера Норр закрывала брешь мгновенно. Тавию с утра заперли в лазарете, накачав седативным настоем пустырника с бромом; Селена Мар на допросе высокомерно процедила, что видела только пепел и не страдала припадками слуховых галлюцинаций. Нас выставляли перепуганными дурами, надышавшимися серного дыма.

Я взяла перо и вывела ровный росчерк:

— С заключением ознакомлена. С формулировкой не согласна.

Дознаватель поморщился, забрал лист и махнул рукой конвойному у двери:

— Свободна. Назначение на второй академический час — индивидуальный тактический разбор в Секторе три. Шагом

марш.

Я вышла в сырой коридор, прижимая правую руку к ребрам.

Под рукавом серого форменного платья свежий льняной бинт туго стягивал запястье. Порез затянулся тонкой багровой коркой, но рука ныла тупой, костной болью.

А внутри, за черепной коробкой, оставалась та самая немая пустота.

Утром, проснувшись от колокольного звона, я снова попыталась услышать отца. Вспомнила мокрый ноябрь, серую железную кровать, запах сушеной малины, его исхудавшее лицо, движение сухих губ. И ничего. Абсолютный, вымороженный провал. Ни шороха. Ни интонации. Мозг помнил сам факт прощания, но то единственное напутствие, ради которого я держалась шесть лет, исчезло навсегда. Редактура забрала плату без сдачи.

Если я хотела, чтобы эта потеря имела хоть какой-то смысл, мне нужны были не отчеты уездных дознавателей.

Мне нужна была правда.

В Пепельном крыле утренний воздух был неподвижным и холодным, как в склепе.

Следы вчерашнего боя здесь были видны сразу. У основания центральной колонны валялись свежие сколы гранита — звенья цепи вырвали кусок камня, когда Рейнар прыгал вниз с башни ущелья. На дубовом столе стояла жестяная кружка с крепким травяным отваром, пахнущим горькой полынью, и

лежали остатки разодранной холщовой рубахи, испачканной бурыми пятнами запекшейся крови.

Рейнар сидел на краю стола, вытянув длинные ноги в тяжелых сапогах.

Его правая рука от кисти до локтя была плотно забинтована серым грубым полотном. Сквозь слои ткани проступали желтоватые разводы цинковой мази, от которой резко несло аптечным дегтем. Лицо мужчины осунулось, под скулами залегли резкие тени, а шрам на щеке казался темнее обычного. Но взгляд оставался тем же: тяжелым, немигающим, собранным в одну смертоносную точку.

Когда конвой захлопнул за мной тяжелую дверь, он не пошевелился. Лишь перевел глаза на мое забинтованное запястье.

— Плохо завязали, — глухо произнес он вместо приветствия. — Узел на внутренней стороне вены. Ткань перетрет шов при первом же резком движении кисти.

— Дознаватели академии умеют связывать только протоколы, — я остановилась у края стола, не подходя ближе положенных трех шагов. — Они объявили вчерашнее галлюцинацией. «Слуховая аберрация третьей степени в условиях теневого удушья».

Рейнар издал короткий, сухой звук, похожий на смешок: — Разумеется. Севера не может признать в служебной записке совету, что из пробойны в барьере вылезают призраки с дипломами ее собственного заведения. Это испортило бы

отчетность перед Геройским коллегиямом.

Он медленно опустил здоровую левую руку на столешницу:

— Ты поэтому пришла? Убедиться, что не сошла с ума?

— Я знаю, что не сошла с ума, Кейн, — ответила я ровно.

— Я видела структуру прорыва. И я слышала голос. Чистый. Человеческий. Та тень... Неписанные — это не твари из бездны. Это выпускницы Академии Масок. Те, чьи имена стерли после того, как герои вонзили в них свои освященные мечи.

В сводчатом зале повисла тишина. Слышно было, как в вентиляционной шахте над головой надсадно свистит сырой морской сквозняк.

Рейнар смотрел на меня снизу вверх. В глубине его темных зрачков не было насмешки — там тлела та самая холодная, беспощадная ясность, с которой смотрят на неизлечимо больного, наконец-то узнавшего свой диагноз.

— Не все, — негромко сказал он. — Большинство тех, кто падает на выпускном ритуале, действительно сгорают без остатка. Их роли закрываются. Но если девушка сопротивляется... если она до последнего вдоха отказывается признать правоту развязки... Предание не может переварить ее волю целиком. Система выдергивает из нее имя. Забирает память. Стирает из метрик, из семейных архивов, из памяти родственников. А высушенную, безымянную оболочку сбрасывает в нижний сектор — кормить трещины внешнего конту-

ра.

Он подался вперед, и звенья железной цепи на его шее глухо заскрежетали о край стола:

— Государство создает монстров своими руками, Лиора. Оно объявляет женщину злом, учит ее быть злом, убивает за то, что она стала злом, а потом удивляется, почему из стен крепости лезет чудовищная гниль, требующая новой крови для запечатывания.

Слова падали тяжело, как сырая земля на крышку гроба.

Я вспомнила мать. Ее портреты, которые исчезли из нашего дома в первый же месяц после казни. То, как соседи в Ревене отводили глаза, словно фамилии Вельт никогда не существовало на нашей улице. То, как в городском кадастре на месте маминого девичьего имени остался белый, зачищенный лезвием след.

Они не просто убивали. Они уничтожали само право человека остаться в истории.

— И ты знал об этом, — сказала я, глядя ему в переносицу. — Семь лет назад. Когда готовил восстание вместе с ней.

— Знал, — он не отвел взгляда. Ни тени раскаяния, ни попытки оправдаться. — Поэтому мы и пытались сломать Сердечный архив. Но мы проиграли, Лиора. Элара погибла. А меня приковали к этой колонне, чтобы я учил новых девочек правильно подставлять шеи под удары золотых мечей.

Он поднялся со стола. Медленно, преодолевая боль в обоженном предплечье. Подошел к деревянному пюпитру в

углу, где лежали стопки пожелтевших пергаментов, достал узкий лист плотной гербовой бумаги и чернильницу с бронзовым пером.

Бросил все это на стол передо мной.

— Мы ходим кругами, Вельт. Ты хочешь спасти сестру и закончить дело матери. Мне нужен выход к Сердцу, чтобы уничтожить этот конвейер. Ни у тебя, ни у меня нет времени на танцы вокруг уездных законов. Через десять недель сюда прибудет процессия Свидетелей, и тебя оденут в черное железо.

— Вы предлагаете союз, — констатировала я, не прикасаясь к перу.

— Я предлагаю сделку.

Я скрестила руки на груди, удерживая дистанцию:

— В судебной канцелярии меня учили: сделка с осужденным за государственную измену стоит ровно столько, сколько весит веревка, на которой его повесят. Вы привыкли двигать людьми, Кейн. Вы Тёмный Лорд. Вы планировали восстание, в котором погибли сотни, и выжили там, где другие обратились в пепел. Если мы заключаем договор, он будет составлен по моим правилам.

На его губах мелькнула тень жесткой, оценивающей усмешки:

— Диктуй, переписчица.

Я подошла к столу, взяла перо и обмакнула кончик в чернила.

— Первое условие, — произнесла я, глядя на чистый лист. — Никакого магического принуждения. Никаких клятв на крови, ритуальных узлов и сомнительных артефактов. Только добровольные действия с обеих сторон. Если один из нас говорит «нет» — действие останавливается немедленно.

— Принимается, — без колебаний отозвался Рейнар.

— Второе условие. Взаимное раскрытие источников информации. Никаких туманных намеков и недосказанностей. Если вы передаете мне документ, карту или шифр, вы обязаны назвать канал, через который его получили. Никаких действий вслепую.

Рейнар нахмурился. Его темные глаза сузились:

— Я не смогу рассказать тебе всё сразу, Лиора. Не потому, что хочу обмануть. Часть сведений запечатана мнемозическими клятвами прежнего мятежа. Если я попытаюсь произнести вслух некоторые имена, ошейник свернет мне шейные позвонки раньше, чем я закончу фразу.

Я посмотрела на черненую сталь на его горле. Жилы на шее мужчины были напряжены, металл тускло мерцал свинцовым отливом. Это была правда: замки королевского трибунала не оставляли свободы для откровений.

— Хорошо, — уступила я, делая пометку на полях. — Вы сообщаете факт и прямо заявляете, если источник заблокирован надзорной печатью. Без попыток придумать фальшивую версию.

— Справедливо. Дальше.

— Третье условие. Право на немедленный и безусловный разрыв союза. В любую секунду, без объяснения причин. Если я решу, что ваши методы угрожают Нессе или переходят черту допустимого риска, я забираю свои материалы и ухожу. Без преследования, шантажа и ударов в спину.

Рейнар медленно выдохнул.

Он обошел стол, остановившись напротив меня — так близко, что я почувствовала горький запах полынной настойки от его повязок и сухое, сдержанное тепло его тела. Он оперся здоровой левой рукой о столешницу, заглядывая мне прямо в глаза:

— А что получаю я?

— То, ради чего вы держите меня в живых с первого дня, — мой голос оставался абсолютно спокойным. — Редактуру. Я обязуюсь исследовать и вскрыть один запечатанный ритуальный узел в Пепельном архиве. Тот самый, который преграждает вам путь к шлюзам нижнего яруса.

— А взамен?

— Взамен вы передаете мне подтверждаемую, документальную часть дела Элары Вельт. Всё, что касается ее роли в неудачном обряде, ее записей и схемы Сердечного архива.

Стальное перо быстро забегало по бумаге, оставляя за собой четкие, убористые строчки судебного соглашения. Никаких общих фраз. Только конкретные обязательства, сроки и пределы ответственности.

Когда чернила легли на пергамент, Рейнар не стал коле-

баться. Он взял перо из моих пальцев — его обожженная кожа на мгновение коснулась моей ладони, оставив ощущение сухого, колючего жара, — и размашисто поставил внизу свою подпись.

Два имени легли рядом.

Лиора Вельт и Рейнар Кейн.

Бумага не вспыхнула магическим огнем. Воздух не содрогнулся от ритуального грома. Это был простой, сухой человеческий документ, державшийся исключительно на достоинстве и расчете двух людей, запертых в каменной клетке.

Рейнар отложил перо.

— Теперь к делу, — он достал из потайного кармана жилета плоский железный предмет, похожий на толстую иглу с тремя фигурными пропилами на конце. — Это технологический ключ от служебной вентиляционной галереи Пепельного крыла. Он выводит в технический коллектор, идущий параллельно залу тридцати шести зеркал, прямо к внешнему периметру архива.

— Когда мы идем? — спросила я, убирая подписанный лист в карман платья.

— Не раньше конца четвертой недели. За сутки до Ночи Масок.

Я подняла брови:

— Перед балом покровителей?

— Именно. Раз в полугодие семьи-доноры и члены коро-

левского совета прибывают в Академию Масок, чтобы оценить будущих злодеек и сделать ставки на выпускной смотр. Накануне наставников и основную охрану стягивают к верхним гостиным и парадным лестницам, а нижние коридоры переводят на автоматический надзор. Оставшиеся обходы идут по жесткому расписанию. Это единственная ночь, когда я могу точно рассчитать окно между патрулями Свидетелей.

Он помолчал секунду, затем полез под нижнюю полку пюпитра и вытащил тонкую тетрадь в обложке из грубой серой кожи, перевязанную выцветшим шнурком.

— Ты должна кое-что увидеть, Лиора. До того, как начнешь готовиться к спуску.

Он развязал шнурок и раскрыл тетрадь на середине.

Страницы были исписаны убористым, торопливым почерком моей матери. Знакомые буквы с легким наклоном вправо — я видела их в детстве на полях старых травников. Но здесь не было рецептов настоек. Здесь были выписки из тайных реестров трибунала.

— Элара была не первой, кто попытался взломать систему изнутри, — глухо произнес Рейнар. — До нее были другие. Женщины, которые понимали, к чему их ведут, и пытались сорвать ритуал до того, как на их головы наденут железные венцы.

Я опустила взгляд на разворот.

Там был список.

Двенадцать фамилий, записанных ровным столбцом. На-

против каждой стояли даты выпуска, названия домов и сухие казенные пометки тайной канцелярии: «переведена в особый резерв», «убыла по распоряжению коменданта», «снята с государственного довольствия».

Двенадцать девушек за последние три шестилетних цикла. Тех самых, чьи дела были уничтожены, чьи семьи получили пустые гробы, и чьи голоса теперь бродили в пепельных разломах ущелья.

Я медленно вела пальцем по истлевшим строчкам, вчитываясь в имена.

Изольда Вейс. Дом Плакальщиц.

Клара Бренн. Дом Шепчущих.

Мирра Мар. Дом Узурпаторш.

Мой палец замер.

Дыхание перехватило так резко, словно в грудь вогнали железный клин.

Мирра Мар.

Та самая редкая, древняя фамилия. Тот самый дворянский род, чья представительница вчера в ущелье надменно обещала сбить меня с ног подсечкой за нарушение академического регламента. Старшая сестра Селены Мар, которая, по официальной версии придворных ведомостей, три года назад блестяще завершила курс и была направлена личным советником в южные гарнизоны.

Сестра, чей портрет стоял в золотой рамке на прикроватной тумбочке Селены в восточном крыле.

Я подняла глаза на Рейнара.

Бывший Тёмный Лорд стоял у стола, скрестив руки на груди, и в его немигающем взгляде читался безжалостный, холодный вопрос:

— Ты все еще думаешь, что твоя соперница защищает эту академию из гордости, переписчица?

Я посмотрела на выцветшие чернила на пергаменте.

Селена Мар не знала. Высокомерная, безупречная аристократка зубами выгрызала высшие баллы и право на Чёрную Корону, свято веря, что повторяет триумф своей старшей сестры. А ее сестра уже три года была безымянным пеплом, гниющим в фундаменте королевского барьера.

Капкан захлопывался не только надо мной.

Он был расставлен для каждой из нас.

Глава 7

Стеклянная пробка выскочила из горлышка с сухим, чмокающим звуком, и по комнате мгновенно поплыл сладковатый, удушливый запах миндаля и перетертых ядовитых семян.

Тавия стояла у нашего общего стола спиной ко мне. Ее плечи были неестественно напряжены, а локти прижаты к ребрам так крепко, словно она пыталась удержать внутри треснувшую грудную клетку. На грубых дубовых досках столешницы ровными рядами стояли шесть тонкостенных мензурок, фарфоровая ступка с желтым налетом мышьяковского осадка и узкий медный поднос, на котором блестел серебряный кубок с гравировкой Дома Беладонны.

А рядом с подносом лежал свежий предвыпускной наряд из учебной части.

Я видела его еще утром: казенный лист пергамента с лиловым штампом наставника Вейна. Назначение на практический зачет по скрытой ликвидации. Назначенный партнер — кадет второго курса Геройского колледжиума по фамилии Валь. Время подачи кубка — шестой колокол пополудни.

— Тавия? — позвала я, откладывая в сторону перо, которым выписывала из памяти план нижних галерей Пепельного крыла.

Она не ответила.

Только пальцы ее правой руки судорожно, до белизны суставов сжались вокруг стеклянного капельника с темной, маслянистой настойкой аконита. Жидкость внутри трубки подрагивала, отбрасывая на исцарапанный стол мутные бурые блики.

— Тавия, поставь склянку, — я поднялась с койки. Подошвы неслышно коснулись ледяных плит пола. — До смотра еще два часа. Если надышишься парами цикуты на пустой желудок, тебя вывернет прямо перед строем кадетов.

— Я... не могу, — ее голос прозвучал так тихо и глухо, словно слова продирались сквозь засыпанную песком гортань.

Она медленно, толчками повернула ко мне голову.

Лицо соседки было мертвенно-бледным, покрытым мелкой, блестящей испариной. Губы посинели. Но страшнее всего были ее глаза: зрачки расширились почти на всю радужку, черные, неподвижные, затопленные чужим, механическим ужасом.

Она не управляла собственным телом.

На ее правом предплечье массивный медный браслет Ядовитой Невесты больше не выглядел мертвым металлом. Тонкая гравировка цветка дурмана налилась тяжелым, грязно-фиолетовым огнем. Металл раскалился настолько, что шерстяной край рукава ее платья начал тлеть, испуская тонкую струйку едкого сизого дыма. Раскаленная медь въелась в распухшую, побагровевшую кожу, впиваясь краями прямо

в жилы.

Руна роли проснулась.

— Я просто хотела... капнуть три капли сонной вытяжки...

— задыхаясь, прошептала Тавия. Капли пота с ее подбородка падали на пергамент наряда. — Как положено по учебному регламенту. Чтобы он уснул на третьем шаге... А браслет дернуло. Я коснулась флакона с чистым экстрактом... и он замкнулся.

Она всхлипнула — сухо, без слез, задыхаясь от боли:

— Он тянет руку к кубку, Лиора. Сам. Я не могу разжать пальцы. Если я вылью это в вино... парень умрет через десять ударов сердца. Его разорвет изнутри.

Я сделала два быстрых шага к столу.

В судебной палате Ревена мне трижды приходилось переписывать отчеты патологоанатомов по делам о ритуальных артефактах. Я знала анатомию магического принуждения: роль не уговаривает носителя. Когда якорь активируется на совпадение условий — смертельный яд, назначенный кубок и имя жертвы на пергаменте, — он перехватывает двигательные импульсы спинного мозга. Предание превращало живую девушку в механический дозатор яда. Роль требовала безупречной развязки: отравительница должна была отравить, чтобы герой на арене имел полное законное право разрубить ее надвое.

— Дыши глубже, — скомандовала я, вставая рядом с ней.

— Не борись силой, сломаешь лучевую кость.

Я схватила со стола стальной скальпель для зачистки пергамента.

— Держи предплечье неподвижно.

Кончик тонкого лезвия скользнул под нижний край медного обруча. Я попыталась использовать скальпель как рычаг, надеясь отжать раскаленный металл от вздувшейся вены хотя бы на волосок, чтобы сбить контакт с кожей.

Сталь звякнула.

Руническая вспышка на браслете ударила по клинку с силой молота. Скальпель мгновенно раскалился докрасна, обжигая мне пальцы, и с сухим треском переломился пополам. Обломок лезвия со звоном отлетел в каменный угол.

Медь даже не поцарапалась. Она сжалась еще сильнее, слышался влажный, страшный хруст ущемленной надкостницы. Тавия вскрикнула, ее колени подогнулись, но правая рука, намертво скованная импульсом роли, осталась висеть в воздухе над кубком, не дрогнув ни на дюйм. Пальцы продолжали сжимать капельник с черным ядом.

— Щелочь... — выдохнула Тавия, ее зубы выбивали мелкую дробь. — В третьем флаконе... крепкий аммиачный спирт. Плесни на гравировку. Чернила... чернила в рунах сварены на медном купоросе и сушеной крови... Если смыть связующее, контур может распасться...

Я схватила флакон с мутной жидкостью, сорвала пробку и щедро выплеснула едкий раствор прямо на браслет.

Жидкость зашипела, вскипая на раскаленном металле.

Запахло нашатырем и паленой плотью. Темные потеки смыли копоть, обнажив металл, но фиолетовый свет внутри чеканных лепестков дурмана не погас. Напротив — он вспыхнул яростнее, жаднее, словно аммиак лишь накормил магическое пламя.

— Не берет, — прохрипела она, заваливаясь на край стола. Ее левая рука царапала дубовую доску, ногти ломались в кровь. — Лиора... он сейчас заставит меня выжать пипетку... Я чувствую, как сжимаются сухожилия... Позови надзирателя. Пусть мне отрубят кисть. Быстрее, пока я не залила яд...

— Замолчи, — оборвала я ее.

Немагических способов не осталось.

Любой надзиратель, вошедший в эту дверь, не станет спасать ее руку. Он зафиксирует факт подготовки реального теракта, составит протокол о безумии адептки и отправит Тавию в нижний сектор подвалов — туда, где ее высушат в безымянный пепел для подпитки трещин.

Я опустила глаза на собственное правое запястье.

Под льняным бинтом теневая метка пульсировала ровным, ледяным жаром. Знак Редактора проступал сквозь ткань едва заметным серебристым контуром.

Я видела шов.

Теперь, когда я стояла в полушаге от нее, мне даже не нужно было закрывать глаза. Мое зрение канцеляриста, взломанное зеркалами и пеплом ущелья, видело структуру браслета насквозь. Это был договор. Короткий, безжалостный, напи-

санный чужой рукой прямо в структуре металла: «Невеста подносит чашу. Рука не дрогнет, покуда капля не коснется вина».

Я могла войти в этот текст. Могла взломать строфу, освободив сухожилие.

Но сделать это молча, из жалости или тайком, значило уподобиться Севере Норр. Значило решить за другого человека, какую цену он должен заплатить за спасение, и лишить его воли точно так же, как это делало Предание.

Я положила ладонь на деревянную крышку стола перед лицом Тавии, заставляя ее поднять глаза.

— Слушай меня, Рун. Слушай каждое слово.

Она судорожно всхлипнула, пытаясь сфокусировать остекленевший взгляд на моем лице.

— Я могу ослабить обруч, — произнесла я предельно четко, чеканя звуки. — Могу вырезать строку принуждения. Твоя рука опустится, и яд останется во флаконе. Но ты должна знать правду до того, как я коснусь металла.

Тавия застонала, кончик капельника уже опустился к самому краю серебряного кубка. До падения первой капли оставалось три секунды.

— Это запрещенная магия, Тавия. Редактура. Если ты согласишься — ты станешь соучастницей преступления против государства. Если нас раскроют, тебя не просто отчислят за долги отца. Нас обеих казнят на площади Вейры, а твои кости сбросят в приливную яму. И еще: я не снимаю роль

насовсем. Браслет останется на руке. Тебе все равно придется играть Невесту на зачетах, но ты вернешь себе выбор — наливать яд или воду.

Я подалась вперед, глядя в ее расширенные, черные зрачки:

— Ты согласна на эту правку? Добровольно? Своей волей?

— Да! — закричала она в голос, срывая связки. — Да, черт тебя дери, Лиора! Согласна! Убери это!

Согласие было получено.

Чистое. Осознанное. Зафиксированное перед лицом неминуемой гибели.

Я сорвала перчатку с левой руки и голой ладонью накрыла раскаленный медный браслет на ее запястье.

Боль от ожога полоснула по коже мгновенно, запахло паленым мясом, но я не разжала пальцев. Моя Редактура рванулась наружу, соединяя наши метки в единую цепь.

Шов раскрылся перед моим взором.

Текст на браслете вспыхнул серебряными буквами, сопротивляясь вторжению. Ритуальная формула защищалась — она была вбита в медь государственным чеканом, за ней стояла вековая тяжесть чужих смертей. Но в ней была юридическая уязвимость, оставленная небрежным мастером: слова «рука не дрогнет» предполагали неизменность физического нажима, но не запрещали разрыв связи между нервом и металлом.

Я нащупала эту лазейку.

Вцепилась внутренним резцом в слово «покуда», выворачивая его смысл наизнанку, превращая безусловный приказ в право паузы.

И дернула.

В ту же секунду мир вокруг меня погас.

Не было грома. Не было световой вспышки. Просто из самой середины моего сознания, из глубинного хранилища прожитых лет, с сухим, шелестящим звуком вырвали целый пласт бытия.

Словно чья-то безжалостная рука перевернула страницу, полила пергамент крепкой кислотой и счистила слой рисунка до голой, шершавой основы.

Голова взорвалась глухой, распирающей тяжестью. Меня качнуло назад, колени подогнулись, я едва успела опереться о край стола, чтобы не рухнуть на пол. Во рту появился привкус старой меди и пепла.

Дыхание вырывалось из груди короткими, рваными толчками.

Отец.

Мысль метнулась в темноту, проверяя потери с автоматической точностью судебного дознавателя.

Мартин Вельт. Земельный чиновник. Умер от легочной горячки шесть лет назад. Я помнила его имя. Помнила, как скрипели половицы под его шагами, когда он возвращался из управы. Помнила его тяжелые карманные часы из тускло-

го нейзильбера с треснувшим стеклом, которые он отдал мне перед смертью. Помнила запах его табака, терпкий, мятный, въевшийся в шерсть его единственного выходного сюртука. Помнила, как он усаживал меня к себе на колени при свете сальной свечи и водил моей детской рукой по строкам межвых книг, показывая, где писарь ошибся в долях десятины.

Ради него я выучила законы.

Ради того, чтобы его не уволили за чужую недостачу, я в двенадцать лет научилась подделывать казенный почерк и находить двойное дно в договорах аренды.

Я попыталась увидеть его.

Вспомнить, как он улыбался, когда я находила ошибку в расчетах. Вспомнить линию его лба, форму носа, разрез губ, ямочку на подбородке, шрам от бритвы над верхней губой.

Ничего.

Пустота.

На месте его лица была ровная, серая, выскобленная мгла. Словно на семейный портрет вылили чернила, а потом старательно затерли пятно пемзой до дыры в холсте. Я знала, что у него было доброе лицо. Знала, что он хмурился, когда кашлял. Но я больше не могла его нарисовать в памяти. Не могла увидеть его черты. Человек, ради которого я стала тем, кем была, превратился в сухую строчку в метрической книге: «Мартин Вельт, мещанин, скончался в возрасте сорока шести лет».

Лицо отца исчезло навсегда.

Из глаз брызнули слезы — злые, обжигающие, бессильные. Я сжала зубы так, что во рту стало солоно от крови, прижала обожженную ладонь к груди, запрещая себе выть в голос.

Это была цена. Реальная. Окончательная. Никаких красивых сказок о всесиилии магии: каждое исправление чужой судьбы выжигало кусок моей собственной.

Звякнуло стекло.

Капельник выпал из разжавшихся пальцев Тавии и покатылся по деревянному столу, оставляя за собой цепочку темных, маслянистых капель. Черный яд не попал в серебряный кубок — он растекся по дубовой доске, с шипением прожигая лак.

Тавия тяжело, со всхлипом рухнула на колени возле стола. Ее правая рука безжизненно упала на подол платья. Медный браслет остыл, покрывшись налетом грязно-зеленой патины, а вдоль выгравированного цветка дурмана пролегла тонкая, едва заметная серебристая царапина — шов, который я взломала. Металл больше не сжимал запястье до хруста костей; обруч свободно проворачивался на распухшей, обожженной коже.

Она сидела на полу, тяжело хватая ртом воздух, и смотрела на свою ладонь так, словно видела ее впервые в жизни. Пальцы слабо шевелились, подчиняясь ее собственной воле.

— Он... отпустил, — прошептала она, поднимая на меня мокрое от слез лицо. — Лиора... он не давит. Я могу сжать

кулак. Могу разжать...

Она осеклась.

Ее взгляд упал на мою левую руку, судорожно прижатую к ребрам, на побелевшие костяшки пальцев и на капли крови, выступившие на моей губе.

Тавия медленно поднялась на ноги, держась за край стола. Она была умной девочкой — дочерью аптекаря, привыкшей иметь дело с жесткими балансами веществ и реакций. Она сразу заметила перемену: то, как остекленел мой взгляд, как я застыла, уставившись в пустоту перед собой, словно передо мной только что захлопнули тяжелую кованую дверь.

Она подошла ближе, не решаясь дотронуться до моего плеча:

— Лиора... что ты отдала?

Я не ответила сразу. Воздух в легких казался ледяным, застревающим в бронхах колючими иглами.

— Память, — сказала я. — Плата за правку чужой роли всегда берется памятью. Равной по весу тому, что ты меняешь.

Тавия замерла. Ее обожженная рука в браслете мелко задрожала:

— Кого ты забыла?

— Отца, — сказала я, глядя в мутное оконное стекло, за которым были бесконечные сквозняки Чёрного утёса. — Я помню его имя. Помню, как он болел. Помню, как пах его табак. Но я больше никогда не смогу вспомнить, как выгля-

дело его лицо.

В комнате повисла тяжелая, гулкая тишина. Слышно было только, как капля яда медленно проедает дубовую доску стола, источая горький миндальный дух.

Тавия смотрела на меня со смесью благоговейного ужаса и острой, почти физической боли. Она опустила глаза на свой браслет, провела пальцем по тонкой серебряной трещине на дурмане, затем снова подняла взгляд на меня:

— Ты отдала кусок собственной жизни... за то, чтобы я не отравила чужого парня на зачете?

— Я отдала его за то, чтобы ты сохранила выбор, — отчеканила я, сжимая обожженную ладонь в кулак. — Если бы ты налила яд, твоя роль захлопнулась бы намертво. Ты стала бы чудовищем, которого ждет эта академия. А чудовища здесь долго не живут.

Тавия медленно выдохнула. Ее плечи расправились, в испуганных глазах аптекарской дочери впервые проступило что-то твердое, взрослое, закаленное пережитым кошмаром.

Она подошла к ступке, взяла тряпку, смоченную в спирте, и молча, методично принялась стирать со стола следы яда и рассыпанный порошок, уничтожая любые доказательства произошедшего.

— Я никому не скажу, — произнесла она негромко, не оборачиваясь. — Ни наставникам. Ни Селене Мар. Ни совету. Если кто-то спросит, почему браслет потемнел, я скажу, что пережгла кислоту при промывке реактивов. Я знаю

состав чернил в этой гравировке, Лиора. Там сажа, сульфат железа и высушенная кровь Свидетелей. Если тебе понадобятся ключи или составы для нейтрализации других узлов... я найду формулы.

Она остановилась, сжимая в руке влажную ветошь, и повернулась ко мне.

В ее взгляде не было слепой преданности или рабской благодарности спасенного. Это был тяжелый, трезвый взгляд человека, который заглянул на край пропасти и понял истинную цену той войны, в которую я ее втянула.

— Но ответь мне на один вопрос, Вельт, — тихо спросила Тавия, глядя мне прямо в переносицу. — Если за одну строчку на моем запястье ты заплатила родным отцом... сколько воспоминаний ты готова отдать, чтобы дойти до конца этой правды?

Я стояла посреди холодной комнаты Дома Масок и молчала.

Потому что внутри, за черепной коробкой, среди аккуратных полок судебных законов и точных дат, на месте самого важного портрета зияла белая пустота. И я знала: я уже не помнила лица человека, ради которого когда-то научилась читать чужие приговоры.

Глава 8

К полуденному звону ротонда Дома Масок уже гудела приглушенными голосами; полированный воск, увядшие белые лилии и остывший чай с бергамотом придавали ей сладковатый, почти салонный запах.

Здесь, на втором ярусе жилого сектора, воспитанницы благородных родов проводили часы перед полуденным звоном. В отличие от аскетичных спален, ротонду обставили с показной столичной роскошью: диваны, обитые темно-синим бархатом, резные столики мореного дуба и узкие стрельчатые зеркала в золоченых рамах, сквозь которые надзиратели прихожей вели непрерывный визуальный контроль. Девушки шептались, перебирали нотные тетради и отрабатывали поклоны перед светскими выходами.

Я сидела у дальнего окна с книгой по уездному делопроизводству, когда шелест шелка в дверях заставил разговоры стихнуть.

Селена Мар вошла без стука.

На ней было тяжелое форменное платье из темно-зеленого сукна с глухим воротником, расшитым золотой канителью. Плечи расправлены, черные волосы уложены в безупречную высокую корону. На ее правом запястье тускло блестел золотой обруч с оскаленной волчьей пастью — гербовый знак дома Мар, древнейшего дворянского гнезда за-

падного порубежья.

Она не стала садиться. Прошла прямо к моему столику, не глядя по сторонам, и бросила на полированное дерево тонкую перчатку из черной лайки.

Кожа хлестко щелкнула о лак.

— Встань, Вельт, — произнесла Селена. Ее голос был негромким, но поставленным с той ледяной барственной интонацией, от которой уездные старосты в Ревене падали на колени.

Я медленно закрыла книгу, заложив страницу полоской бумаги, и подняла глаза:

— Вас не учили правилам приличия в родовом замке, госпожа Мар? Бросать перчатки в книги — дурной тон даже для младших писарей.

В ротонде стало абсолютно тихо. Мариэла Дорн на диване замерла с чашкой у губ, боясь шевельнуться.

— Я не размениваюсь на вежливость с фальсификаторами, — Селена оперлась рукой в перчатке о край стола, нависая надо мной. Ее темные глаза сузились: — На утреннем зачете по придворной токсикологии Тавия Рун разливала настойку белены трем кадетам. Ее правая кисть двигалась свободно. Ни тремора пальцев, ни мышечного спазма. Браслет Ядовитой Невесты третьего разряда обязан сковывать волю при подаче кубка, если в нем нет смертельного яда. Но на меди ее браслета появилась продольная серебряная борозда. Шов зачистки.

Она сделала паузу, и в ее зрачках вспыхнула жесткая, беспощадная сталь:

— Вчера ты провела с ней в комнате два часа. Дознаватели академии могут закрывать глаза на твои фокусы, списывая все на нервный припадок провинциалки. Но я знаю структуру рунических узлов. Ты взломала государственный якорь, Лиора. Ты применила запрещенную магию прямо в стенах Дома Масок.

Обвинение прозвучало четко, как статья обвинительного акта.

Если бы здесь присутствовал инспектор комендантской службы, меня заковали бы в железо до захода солнца. Взлом ритуального якоря приравнивался к попытке побега с каторги.

— Это тяжелое обвинение, — спокойно ответила я, не отводя взгляда. — В суде за клевету без письменных свидетельств отсекают язык.

— Здесь не уездный суд, — усмехнулась Селена, и на ее тонких губах проступило высокомерное торжество потомственной хищницы. — Здесь споры между адептками высшей ступени решаются кодексом Дома. Я требую официальной дуэли ролей. Прямо сейчас. В центре зала.

Девушки у диванов испуганно зашептались.

Дуэль ролей была древним академическим правом. Если кандидатка обвиняла соперницу в нарушении ритуального баланса, они сходились на каменном круге ротонды. Без ору-

жия. Только давление назначенных ролей и формулировки подчинения. Проигравшая обязана была либо подчиниться воле победительницы, либо предстать перед судом наставников с признанием своей вины.

Селена была уверена в себе. Ее роль Узурпаторши была отшлифована тремя поколениями предков: способность подавлять чужую инициативу, перехватывать приказы и подчинять волю противника входила в ее кровь вместе с материнским молоком.

Она рассчитывала заставить меня защищаться магией. Вынудить меня применить Редактуру на глазах у дюжины свидетелей и тем самым окончательно подписать себе приговор.

Я посмотрела на черную перчатку на столе.

Отказаться значило признать подозрения обоснованными. Наставник Вейн только и ждал повода изолировать меня от учебных корпусов. Но если я приму бой — у меня появится шанс подобраться к тому, что хранилось под замком ее родовой гордости.

— Условия? — спросила я, поднимаясь на ноги.

— Три словесных круга, — отчеканила Селена. — Без физического контакта. Каждая использует формулу своей роли. Если ты дрогнешь и опустишь голову — ты добровольно идешь со мной к коменданту и снимаешь рукав платья для полной проверки метки.

— А если отступишь ты?

Селена холодно, надменно усмехнулась:

— Узурпаторши не отступают перед дочерью казненных изменниц, Вельт. Но если ты выдержишь три круга — я закрою глаза на потемневший браслет твоей аптекарской подруги.

— По рукам, — я обошла стол. — Свидетельниц вызывать не нужно. В этом зале достаточно глаз, чтобы зафиксировать развязку.

Мы вышли на середину ротонды.

На полу здесь была выложена круглая мозаика из серого гранита и черного сланца — уменьшенная копия арены Практической Драматургии. Девушки торопливо отодвинули кресла к стенам, образуя живое кольцо. Никто не улыбался. Воздух в зале мгновенно сгустился, запахло озоном и жженым сахаром — дыханием просыпающейся родовой магии.

Селена встала напротив меня в пяти шагах.

Она выпрямилась во весь рост, развела руки в стороны, и золотой обруч с волчьей пастью на ее запястье вспыхнул тяжелым, янтарным пламенем.

В ту же секунду на зал рухнуло чудовищное психологическое давление.

Это не был теневой туман ущелья. Это было чистое, концентрированное право господства. Роль Узурпаторши ожила: пространство вокруг Селены искривилось, воздух задрожал, словно над раскаленной жаровней. Мне показалось, что

потолок ротонды опустился на несколько футов, прижимая меня к плитам пола, требуя упасть на колени, признать ничтожество своей крови перед древней фамилией Мар.

В этом была сила государственной специализации: Предание вливало в Селену уверенность миллионов людей, веками привыкших подчиняться ее роду.

— Первый круг, — ее голос зазвенел колокольной медью, отражаясь от купола. — Именем закона престолонаследия: признай чужое право стоять выше твоего. Склони колени перед той, кто рожден повелевать границами.

Слова ударили в грудь, как физический таран.

В ушах зашумело. Теневая метка на моем правом запястье отозвалась резкой, пульсирующей болью под бинтом, требуя выплеснуть серебряный огонь Редактуры, разрезать этот давящий золотой контур, сжечь его на корню.

Но я не шевельнула пальцем.

Я помнила цену. Одно движение резца — и я забуду еще один кусок своей жизни. Голос сестры? Первое школьное утро? Нет. Я не стану платить памятью за спесь столичной дворянки.

Я включила холодную броню канцеляриста.

— В кодексе престолонаследия Эстории, статья семнадцатая, — мой голос прозвучал сухим, скрипучим шелестом архивных листов, но перекрыл ее командный звон. — Сказано прямо: право на престол возникает лишь при наличии безусловного признания со стороны трех сословий. Самопро-

возглашенный узурпатор не имеет статуса законного государя до момента публичного коронования. Мое колено не касается камня, потому что твой венец — фальшивка из неосвященной меди.

Я сделала шаг вперед. Твердо опустив каблук на мозаичную плитку.

Золотое сияние вокруг Селены дрогнуло. Логическое опровержение ударило по ее ритуальной формуле: магия Предания требовала безупречной юридической связи, и трещина в определении ослабила напор.

Селена нахмурилась, ее скулы налились темной краской.
— Второй круг! — она вскинула правую руку, пальцы в золотом обруче сжались в хищный коготь. — Узурпатор не просит признания — он берет его силой меча! Я объявляю твое сопротивление мятежом против воли большинства! Отдай свое право голоса! Замолчи!

Магический удар был направлен прямо в горло.
Воздух выбило из легких. Гортань словно сдавило ледяной железной полосой. Роль Узурпаторши обладала редкой способностью перехватывать чужой приказ — один раз в сутки она могла навязать противнику физическое молчание, парализуя голосовые связки.

Мои губы сомкнулись. Я не могла сделать вдох.
Девушки у стен ахнули. Мариэла Дорн закрыла лицо руками.

Селена сделала шаг ко мне, ее глаза горели безжалостным

торжеством. Она ждала, что я задохнусь, захриплю, выброшу вперед руки, моля о пощаде.

Но судебный переписчик знает: приказ об аресте, содержащий процессуальную ошибку, аннулируется в ту секунду, когда обвиняемый указывает на нестыковку дат.

Я не стала бороться за воздух. Я не стала кричать.

Я просто подняла левую руку и указала пальцем на ее собственный гербовый обруч.

А затем, преодолевая паралич гортани, заговорила не словами — я заговорила беззвучной артикуляцией, выталкивая звуки из самой глубины диафрагмы, используя остаток воздуха в легких:

— Если ты объявляешь меня мятежницей... значит, ты признаешь меня стороной конфликта. А с мятежниками не спорят на кругах чести. Мятежников судят трибуналом. Твой вызов незаконен по правилам твоей собственной роли.

Магическая петля на моем горле лопнула с сухим, стеклянным треском.

Воздух хлынул в легкие. Я глубоко, жадно вдохнула, не сводя глаз с побелевшего лица Селены.

Перехват приказа захлебнулся. Ее способность одного действия в сутки разлетелась в пыль о сухое юридическое противоречие: Узурпаторша не могла одновременно требовать покорности подданного и вести формальную дуэль с государственным врагом.

— Третий круг, — произнесла я, делая еще один шаг впе-

ред. Теперь между нами оставалось не больше двух локтей.
— Твоя очередь защищаться, Мар.

Селена тяжело дышала. Золотой свет вокруг ее фигуры угас, сменившись нервным, лихорадочным мерцанием. Я впервые увидела, как под ее безупречной уверенностью проступает потеря опоры: я атаковала не мускулами и не яростью, а тем самым холодным расчетом, который искал трещины в любой конструкции власти.

— Ты утверждаешь, что твоя роль дает тебе силу вести нас за собой, — продолжала я, понизив голос так, чтобы каждое слово падало прямо в тишину зала. — Ты кичишься кровью предков. Говоришь, что Чёрная Корона принадлежит тебе по праву. Но кто такой Узурпатор в финале трагедии?

Я заглянула ей прямо в зрачки:

— В сценарии Предания Узурпатор — это временная фигура. Тот, кто захватывает трон лишь для того, чтобы пасть первым, расчищая дорогу истинному Золотому Герою. Твоя роль не ведет к победе, Селена. Тебя учат не править. Тебя учат быть пушечным мясом, которое Герой сметет на десятой минуте финального акта.

Селена отшатнулась.

Словно я ударила ее наотмашь железной линейкой по лицу.

Ее плечи мелко задрожали. Золотой обруч с волчьей пастью на ее запястье с глухим звяканьем остыл, покрывшись налетом мутной серой гари. Мозаичный круг под ее ногами

погас.

Дуэль закончилась.

В ротонде стояла мертвая, оцепенелая тишина. Ни одна из адепток не шевельнулась.

Селена медленно подняла голову. В ее глазах больше не было спеси — там бушевала дикая, униженная ярость загнанного в угол зверя, готового вцепиться в горло голыми зубами.

— Вон, — выдохнула она, не оборачиваясь к зрительницам.

Девушки не заставили повторять дважды. Через десять секунд ротонда опустела. Тяжелые портьеры на входе колыхнулись, отрезая нас от коридора.

Мы остались одни среди замерших зеркал.

Селена сжала кулаки так, что костяшки пальцев прорвали тонкую кожу оставшейся перчатки.

— Ты пожалеешь об этом, Вельт, — прошипела она сквозь зубы. — Я пойду к Северной прямо сейчас. Я заставлю ее поднять журнал твоих посещений лазарета. Я добьюсь, чтобы тебя посадили на цепь рядом с твоим инструктором в Пепельном крыле!

— Не пойдешь, — спокойно сказала я, наклоняясь и поднимая с пола ее брошенную черную перчатку.

— Думаешь, я испугалась твоих судебных басен?

— Я знаю, что ты не пойдешь, Селена, — я протянула ей перчатку. — Потому что у меня есть то, за что ты отдашь

не только свое молчание. Ты отдашь за это всю родовую гордость дома Мар.

Она замерла, с подозрением глядя на протянутую руку:
— О чем ты мелешь?

Я не убрала протянутую перчатку.

— Мирра Мар.

Селена вздрогнула всем телом, словно ей под ребра вогнали стилет. Краска мгновенно сошла с ее лица, оставив смертельную, меловую бледность.

— Откуда... откуда ты знаешь это имя? — ее голос сорвался на хрип.

— Из закрытых списков выпускниц, — ответила я. — Твоя старшая сестра. Лучшая ученица Дома Узурпаторш позапрошлого цикла. Официальная хроника двора утверждает, что она с отличием окончила академию и получила назначение старшим советником гарнизонов южной границы.

Селена судорожно сглотнула. Ее глаза лихорадочно метались по моему лицу, ища насмешку, но находя лишь безжалостную, выверенную точность следователя.

— Она служит короне... — выдавила она, но в ее тоне больше не было уверенности. Была паника. — Семья получает от нее письма... раз в полгода...

— Семья получает казенные отписки с фальшивыми печатями комендатуры, — жестко перебила я. — А три года назад в родовой склеп дома Мар привезли закрытый цинковый гроб. Ночью. Под конвоем Свидетелей. И запретили

вскрывать крышку под угрозой обвинения в государственной измене. Твой отец положил этот гроб в семейную усыпальницу, зная, что внутри нет тела. Там были только камни. Пустой гроб, Селена.

Слезы обожгли ее ресницы, но она с яростью моргнула, не позволяя им скатиться по щекам.

Ее броня треснула окончательно. Гордая, недостижимая столичная аристократка исчезла — передо мной стояла испуганная, растерянная двадцатитрехлетняя девушка, которая три года жила с незаживающей дырой в сердце, сжимая зубы и выбивая высшие баллы только ради того, чтобы добраться до закрытых чинов двора и узнать, куда делась ее старшая сестра.

— Ты врешь... — прошептала она, но ее голос дрожал. — Откуда у переписчицы из Ревена доступ к тайнам моего дома?

— Твоя сестра не на границе, Мар, — тихо сказала я. — И она не предавала семью. Она была одной из двенадцати, кто пытался сорвать выпускной ритуал до того, как ее сделают жертвой. Ее стерли. Выскоблили из памяти государства. Но ее имя осталось в тайных записях моей матери.

Селена медленно опустилась на край бархатного дивана. Ее руки в золотом обруче безжизненно упали на колени.

— Она... мертва?

— Я не знаю, — это была правда. Я не могла сказать ей про пепельный разлом в Волчьем лого. Не могла сказать, что

слышала голоса стертых девушек среди Неписанных. — Но я знаю, где искать следы. Они в Сердечном архиве. Под Тронной камерой.

Селена подняла на меня тяжелый, потемневший взгляд:
— Чего ты хочешь, Вельт?

Сделка легла на невидимые весы.

— Твоего молчания о Тавии и обо мне, — произнесла я четко. — Это первое. И второе: мне нужен доступ к Дворянскому каталогу верхнего яруса библиотеки.

Селена горько, сухо усмехнулась:

— Дворянский каталог запечатан семейными гербовыми ключами. Туда пускают только по прямому распоряжению ректора.

— Не только, — я указала взглядом на ее правое запястье. — Дворянский устав Эстории позволяет прямым наследницам первой сотни родов заверять выписки из родословных книг своей личной печатью. Твой золотой обруч с волчьей пастью — это не просто украшение. Это гербовая матрица дома Мар. Один оттиск на воске замка — и каталог откроется на десять минут без вызова дежурного архивариуса.

Селена молчала долго.

Она смотрела на свои обожженные пальцы, на потухшее золото обруча, на запертые двери ротонды. Цену можно было не объяснять: если нас поймают у каталога, ее родовая привилегия не спасет от трибунала. Она рисковала всем — положением семьи, будущим, собственной жизнью.

Но на другой чаше весов лежало имя сестры.

— Сегодня в полночь, — глухо произнесла Селена, поднимаясь с дивана. Ее лицо снова стало твердым, но теперь это была не надменность власти, а решимость сообщницы. — После второго обхода надзирателей. Я открою решетку архивного зала. У тебя будет ровно десять минут, Лиора. Если ты не найдешь там доказательств... я сама сдам тебя Северной.

— Договорились.

Она забрала свою перчатку со стола и быстрым, неслышным шагом покинула ротонду.

Я осталась одна.

Сердце глухо колотилось о ребра. Первый шаг был сделан: у меня появился второй, пусть шаткий и опасный, но реальный ключ к архивной цепочке. Печать дома Мар могла пробить брешь в государственной бумажной броне.

Но цена уже начала капать на чашу весов: Селена Мар знала, что я ищу исчезнувших. Теперь моя свобода зависела не только от моей осторожности, но и от выдержки девушки, которую я только что публично сломала на круге.

Полночь в библиотечном корпусе пахла старой кожей, сухим клеем и мышиным пометом.

Мы проскользнули мимо поста спящего дежурного послушника, держась глубокой тени за книжными стеллажами. Селена двигалась бесшумно, как кошка; я шла следом, сжимая в кармане дорожную чернильницу и чистый лист бумаги.

В дальнем тупике верхнего яруса высилась тяжелая решетка из кованого железа, за которой в глубокой нише стоял Дворянский каталог — исполинский фолиант в переплете из дубовых досок, окованных медью, прикованный к каменному пюпитру массивной цепью.

Селена подошла к замку на решетке.

Сняла с руки золотой обруч. На внутренней стороне пластины тускло блеснула выпуклая гравировка волчьей пасти. Она прижала металл к восковой пломбе на замке.

Раздался тихий, стеклянный щелчок. Пломба растаяла, железные ригели ушли в пазы, и решетка с едва слышным стоном отворилась.

— Десять минут, — прошептала Селена, оставаясь у входа для прикрытия. — Шевелись.

Я шагнула к пюпитру.

Фолиант был ледяным на ощупь. Я быстро перелистнула тяжелые пергаментные страницы, пахнущие вековой пылью, выискивая литеру «М».

Вот он.

«Род графов Мар. Западное порубежье. Ветвь Черного Волка».

На широкой странице вилось подробное генеалогическое древо. Имена предков, даты браков, пожалования земель, списки наследников. Четкие, казенные записи столичных герольдов, заверенные несмываемыми имперскими чернилами.

Я опустила палец к последней строке, туда, где значились дети нынешнего главы рода — графа Вальтера Мар.

Палец замер на шероховатом пергаменте.

Дыхание застряло в горле. В глазах зарябило от холодно-го, липкого ужаса.

Строка гласила:

«От законного брака с леди Агнессой рождена одна дочь: Селена Мар, двадцать три года, адептка высшей ступени Академии Масок».

Я провела ногтем по бумаге.

Ни подчисток. Ни срезанных бритвой слоев. Ни пятен химической щелочи. Пергамент был абсолютно чистым, гладким, древним.

Имени Мирры Мар не было.

Оно не было вычеркнуто или замазано чернилами, как в уголовных делах изменниц.

Дворянский каталог Эстории — главный, незыблемый государственный реестр благородной крови — официально и неопровержимо утверждал: старшая сестра Селены никогда не существовала на этой земле.

Глава 9

Казенный пакет из Ревена оказался у меня после утренней проверки.

Зеркальная почта доставляла ведомственные депеши за сутки, но частную переписку низших сословий сбрасывали в общие накопители и везли попутными обозами. Письмо шло три дня. За дорогу сургуч пропитался дешевым лампадным маслом и сырой пылью. На плотном сером конверте из грубой тряпичной бумаги стоял чернильный штамп уездного почтмейстера и косой синий росчерк дежурного цензора привратной службы Дома Масок: «Проверено. К вскрытию допущено».

Я вскрыла конверт обломком вчерашнего стального скальпеля, стоя у узкого стрельчатого окна галереи третьего яруса.

Письмо было написано рукой тети Марты — сестры отца. Почерк пожилой женщины, всю жизнь переписывавшей амбарные книги ревенской скотобойни, всегда отличался тяжелым нажимом и угловатыми хвостами у заглавных букв. Но на этот раз строки дрожали. На середине страницы чернила сорвались в жирную кляксу, которую торопливо затерли пальцем, оставив на листе мутное серповидное пятно.

«Лиора, дитя мое. Вчера утром приходил старший дознаватель земской управы. Тот самый хромой сотник с проте-

зом, что вел опись недоимок покойного Мартина. Сказал, что из столицы спущен циркуляр о внеочередной сверке наследственных линий по семьям с государственным обременением. Они забрали Нессу в канцелярию прямо с рынка. Держали в караулке три часа. Когда девочку отпустили, она прятала правую руку в карман фартука и молчала до самого вечера. Но ночью, когда она уснула, я отогнула рукав сорочки. Лиора, полоса больше не серая. Она налилась смолой. От запястья вверх, почти до самого локтевого сгиба, идет ровная, черная, как сажа, жила. Она горячая. Несса мечется во сне и стонет, а стекло на ночнике рядом с ее кроватью к утру покрылось тонкой паутиной трещин. Сотник сказал, что внес ее имя в предварительный список осеннего призыва. Если к исходу девятой недели из академии не поступит подтверждение о закрытии родового долга старшей сестрой, за Нессой пришлют закрытую карету с решетками. Сделай что-нибудь, Лиора. Умоляю тебя именем твоей матери — сделай что-нибудь».

Я медленно опустила руку с письмом.

Бумага сухо хрустнула в пальцах.

Девять недель.

Восемьдесят четыре дня, отпущенные мне на вступительном круге, только что сократились до шестидесяти трех. Севера Норр не стала ждать, пока я закончу копаться в архивах. Государственная машина не нуждалась в похищениях или ночных нападениях: у нее были параграфы имперского уло-

жения, печати уездных управ и закон о наследовании меток.

По закону Эстории семья, чья кровь дала государству признанную злодейку первой категории, обязана была поставлять новый сосуд в каждый шестилетний цикл, пока тeneвая линия рода не угаснет естественным путем. Моя мать умерла семь лет назад. Ее цикл был закрыт. Но с той секунды, как на вступительном круге я назвала свою фамилию и выбила трещину в базальтовой плите, надзорное ведомство возобновило родовое дело.

И если я не успею сломать механизм до выпуска, шестнадцатилетнюю Нессу привезут сюда в арестантском вагоне. Ее поставят на тот же круг из черного стекла. Заставят прочесть ту же формулу капитуляции. И наденут медный ошейник, приготовив на убой следующему поколению защитников.

— Адептка Вельт?

Я вздрогнула, резко повернув голову.

Позади меня, неслышно ступая мягкими войлочными чужьями по каменным плитам, стоял послушник в серой суконной рясе Ордена Свидетелей. Лицо мальчика было бледным, бессмысленно-вежливым, руки спрятаны в широкие рукава.

— Госпожа ректор ожидает вас в Тронной башне, — произнес он бесстрастным голосом. — Немедленно.

Я аккуратно сложила письмо тети вчетверо, спрятала во внутренний карман форменного платья — туда, где бумага прижалась прямо к ребрам, острой гранью напоминая о времени, — и застегнула ворот на все пуговицы.

— Веди.

Кабинет ректора в Тронной башне не походил на мрачные подвалы Пепельного крыла или помпезную ротонду Дома Масок.

Это было просторное, круглое помещение с высокими сводами из серого тесаного песчаника. Вдоль стен высились открытые шкафы светлого ясеня, заставленные ровными рядами переплетенных в телячью кожу томов государственного вестника. Огромные окна выходили на север, открывая панораму свинцового моря, бьющегося о подножие Чёрного утёса в полутора тысячах футов внизу. В комнате пахло сухой лавандой, хорошим воском и едва уловимым, сухим озоновым холодком работающей зеркальной связи.

Севера Норр сидела за массивным письменным столом, крышка которого была вырезана из цельного куска белого каррарского мрамора.

На ней было то же темно-синее дорожное платье с глухим воротом, что и в день моего приезда. Пепельные волосы гладко зачесаны назад. Перед ней стояла чашка дымящегося отвара шиповника в тончайшем фарфоре и лежала открытая папка из тисненной кожи с государственным гербом — парящим ястребом, сжимающим в когтях свиток закона.

— Садитесь, Лиора, — Севера указала кончиком костяного ножа для бумаг на высокое кресло с прямой спинкой напротив стола.

Я подошла, села на самый край сиденья, положив ладо-

ни на колени. Спина прямая, подбородок приподнят. Привычная стойка судебного переписчика перед председателем трибунала: полная внешняя покорность регламенту при абсолютной внутренней готовности фиксировать каждую процессуальную ошибку обвинителя.

Севера окинула меня долгим, изучающим взглядом. Ее водянисто-светлые глаза задержались на моем правом рукаве, где под тканью скрывался забинтованный порез от Редактуры, но расспрашивать о лазарете она не стала.

— Вы получили письмо из Ревена, — произнесла она ровно. Не вопрос. Констатация факта.

— Да, госпожа ректор.

— Ваша тетя пишет эмоционально, — Севера отложила костяной нож. Тонкий фарфор звякнул о блюде, когда она сделала глоток отвара. — Простые люди часто путают государственную необходимость с личной жестокостью. Метка вашей сестры проявилась не по чьей-то прихоти. Закон о гармонизации теневых линий действует в королевстве сто двадцать лет. Теневая кровь — это не привилегия и не проклятие, Лиора. Это ресурс повышенной опасности. Если его не стабилизировать через институты Предания, он выжигает рассудок носителя за полгода.

— Несса — ребенок. Ей едва исполнилось шестнадцать. У нее нет магической подготовки. Ее метка спала до тех пор, пока меня не заставили встать на круг отбора.

Севера чуть заметно наклонила голову, признавая этот до-

вод:

— Семьи с высоким коэффициентом резонанса всегда реагируют на активацию старших ветвей. Это чистая физика Предания. Вы проявили редкую силу, госпожа Вельт. Слишком редкую, чтобы реестровые службы могли проигнорировать оставшуюся в провинции кровь. Через девять недель надзорный корпус обязан принять решение: либо девочка зачисляется в подготовительный класс Дома Плакальщиц, либо ее признают деструктивным элементом и направляют на бессрочную изоляцию в закрытый приют Озерного края.

Она сделала паузу, давая мне возможность взвесить оба варианта.

Я знала, что такое приюты Озерного края. В судебных архивах Ревена хранились акты списания имущества тех, кого туда увозили: оттуда не возвращались. Людей накачивали седативными солями до состояния живых бревен, гася теневой всплеск вместе с личностью.

— Вы позвали меня сюда не для того, чтобы пересказывать устав надзора, — сказала я. — У вас есть предложение.

Севера Норр едва заметно усмехнулась — уголками тонких, бескровных губ:

— Мне нравится ваша деловая хватка. Никаких слез, никаких криков о несправедливости мира. Дочь своей матери... Элара тоже предпочитала говорить о статьях закона, а не о милосердии.

Она открыла кожаную папку, достала из нее плотный лист

пергамента с широкой золотой каймой и подвинула его ко мне через мраморную столешницу.

Вверху листа стоял пурпурный оттиск Большой печати Королевского совета Предания.

— Это индивидуальный контракт об особом попечительстве, — заговорила Севера деловым, размеренным тоном. — Если вы подпишете его, имя Нессы Вельт будет немедленно и окончательно вычеркнуто из призывных реестров. Девочка получает пожизненный государственный иммунитет от любого надзорного преследования. Ей назначается ежегодный пенсион в триста золотых крон из специального фонда короны. На эти деньги она сможет поступить в столичную коллегию изящных искусств или спокойно жить в Ревене, не опасаясь стука в дверь на рассвете.

Я опустила взгляд на красивый типографский шрифт.

Триста крон. Пожизненный иммунитет. Для нищей сироты из провинции это было спасением. Это было больше, чем мы с отцом могли заработать за двадцать лет службы в судебной канцелярии.

— А взамен? — спросила я, не прикасаясь к пергаменту. Севера сложила холеные руки в замок перед собой:

— Взамен вы прекращаете провинциальную самостоятельность, Лиора.

Ее голос стал тише, но в нем прорезался тот самый холодный, железный скрежет, от которого на вступительном круге замерли стражники:

— Вы прекращаете проверять на прочность учебные повозки в Волчьем лого. Прекращаете ломать на зачетах браслеты соседкам по комнате. Вы добровольно и без сопротивления принимаете статус первой кандидатки на Чёрную Корону. На шестой неделе вы надеваете обруч на Предварительном венчании ролей. На двенадцатой — безупречно, со всем величием и силой, на которую способна ваша кровь, исполняете предписанную роль в финальном акте выпускного ритуала.

Она подалась вперед, глядя мне прямо в глаза:

— Мне нужна настоящая Чёрная Королева, Лиора. Не перепуганная дурочка, которая падает в обморок от блеска доспехов, а сильная, гордая, безупречная противница, чье падение заставит содрогнуться всю Эстарию. Дайте государству тот финал, которого требует купол, — и государство навсегда забудет дорогу к дому вашей сестры. Это законная, открытая сделка. Заверенная королевским советом.

Я смотрела на гладкий пергамент.

Искушение было чудовищным.

Севера не предлагала мне предать Нессу. Она предлагала мне купить ее жизнь ценой собственной. Классический, кристально чистый размен, на который пошла бы любая старшая сестра в этом королевстве. Умереть красиво. Умереть вовремя. И знать, что маленькая девочка со смешной родинкой на ключице в безопасности рисует акварели в столичном пансионе.

Но я была переписчиком протоколов. Я выросла среди фальшивых купчих и долговых кабал, составленных самыми честными нотариусами провинции.

Я протянула руку и взяла документ со стола.

Пергамент был тяжелым, гладким, безупречной выделки. Текст был составлен лучшими юристами Королевского совета. Гладкие, округлые фразы: «в целях сохранения общественного спокойствия», «принимая во внимание исключительные заслуги рода», «гарантируется полная неприкосновенность личности и имущества».

Я читала медленно, ведя ногтем по строчкам, выискивая то, ради чего королевские стряпчие получают свое жалование.

Вот оно.

Шестой абзац, нижняя треть листа, мелкий курсив под ссылкой на статью сорок вторую имперского статута о защитных ритуалах:

«Означенные гарантии неприкосновенности и выплата содержания вступают в силу с момента окончательного исполнения старшей представительницей рода назначенной роли Высшего Противостояния и действуют бессрочно при условии сохранения целостности государственного Предания».

Мой палец замер на слове «бессрочно».

Я подняла глаза на Северу:

— Здесь написано: «при условии сохранения целостности

государственного Предания».

— Разумеется, — спокойно ответила ректор. — Если барьер рухнет, законы перестанут существовать для всех. Это стандартная защитная оговорка.

— Нет, госпожа ректор. В имперском праве это называется отменительным условием с неопределенным сроком наступления. Вы гарантируете Нессе защиту только до тех пор, пока работает старый контур. Но если барьер даст трещину через год после моей смерти — иммунитет аннулируется автоматически, а основанием для призыва станет статья о возобновлении родовой повинности.

Севера даже бровью не повела. В ее взгляде не появилось смущения — лишь сухое, профессиональное одобрение гроссмейстера, чей ход был просчитан противником.

— Вы торгуетесь за формулировки, когда на кону жизнь ребенка, Вельт?

— Я защищаю сторону договора, — ответила я, кладя лист обратно на белый мрамор. — Тот, кто подписывает документ, не разобравшись в значении отменительных условий, выходит из зала суда нищим. Мне нужно время, чтобы изучить текст с точки зрения статута о правах наследников второй очереди. По закону об административных процедурах адепт имеет право на сорок восемь часов для консультаций перед подписанием долгосрочных обязательств.

Севера молчала несколько секунд.

Она смотрела на меня, и я видела, как в ее холодном, рас-

четливом мозгу щелкают рычаги государственной машины. Она не могла заставить меня подписать контракт прямо сейчас: принуждение к согласию, зафиксированное на глазах у секретаря Ордена, делало документ уязвимым для ревизии Совета. Ей нужно было мое добровольное, осознанное «да».

Но главное — она поняла другое.

Она увидела, что Несса — это мой единственный, абсолютный нерв. Тот самый рычаг, на который можно давить весом всего королевства. Ей больше не нужно было искать за мной слежки в библиотеках или ловить за руку у разбитых повозок. Она нашла поводок. Законный. Надежный.

— Сорок восемь часов, Лиора, — произнесла Севера Норр, поднимаясь из-за стола. Разговор был окончен. — Заберите проект с собой. Посоветуйтесь с вашей судебной совестью. Но помните: через девять недель уездный сотник в Ревене не станет читать кассационные жалобы. Он просто защелкнет кандалы.

Я взяла пергамент со стола, коротко поклонилась по уставу и вышла из кабинета.

Тяжелые дубовые двери захлопнулись за моей спиной с глухим, окончательным стуком.

До отбоя оставался час.

В нашей комнате в Доме Масок было темно; Тавия дежурила на третьем ярусе в лаборатории противоядий, отрабатывая утренний зачет. Единственный свет давал огарок сальной свечи, который я поставила на исцарапанный дубовый

стол.

Я сидела над контрактом Северы, сжимая в руке дорожное перо.

Окно было распахнуто настежь; ледяной морской сквозняк выдувал из комнаты остатки тепла, но мне нужен был этот мороз, чтобы удержать мысли в абсолютном, звенящем фокусе.

Девять недель.

Если я подпишу бумагу — я куплю сестре иллюзию безопасности ровно до первого прорыва Неписанных. А потом ее заберут точно так же, потому что система не умеет останавливаться. Если откажусь — ее привезут сюда через шестьдесят три дня.

Единственный выход — дойти до Сердечного архива. Найти альтернативный обряд. И сломать эту машину до того, как истечет срок призыва.

Я поднесла пергамент ближе к пламени свечи, собираясь переписать сомнительные статьи на черновик.

Желтый огонек осветил обратную сторону листа.

И в тот момент, когда горячий воск капнул на край широкого поля, мое зрение Редактора — то самое, за которое я уже заплатила голосом и глазами отца, — само собой вцепилось в структуру бумаги.

Пергамент не был однородным.

Вдоль правого края листа, прямо под золотым тиснением рамки, шла тончайшая, невидимая обычному глазу водяная

жилка. Защитная строка королевской канцелярии, нанесенная тайными симпатическими чернилами на основе высушенной теневой пыли. Такие строки проявлялись только при нагревании бумаги над открытым огнем и служили скрытыми инструкциями для надзорных чиновников, принимавших документ к исполнению.

Я затаила дыхание.

Медленно, боясь сжечь пергамент, провела краем листа над колеблющимся язычком пламени.

Кожа нагрелась. Запахло жженым клеем.

И прямо на гладком, чистом поле, проступая из толщи пергамента бледно-серыми, пепельными буквами, вспыхнула скрытая служебная директива трибунала:

«В случае физической ликвидации или ритуального угасания старшей носительницы родовой теневой метки до момента завершения защитного цикла, статус первоочередного сосуда Чёрной Короны переходит к младшей наследнице по праву крови без проведения вступительного отбора».

Буквы горели перед моими глазами ровно три секунды, после чего с легким шипением растворились в волокнах бумаги, оставив поле абсолютно чистым.

Но я успела прочесть каждое слово.

Свеча в моей руке дрогнула, обронив каплю воска на столешницу.

Холод за окном больше не казался мне страшным. Настоящий, смертный ужас был здесь, на этом столе, скрепленный

золотой каймой и гербом правящего дома.

Севера Норр не предлагала мне сделку.

Она готовила запасной капкан.

Если бы я согласилась... если бы я надела Чёрную Корону и покорно подставила грудь под золотой меч на двенадцатой неделе... ритуал не освободил бы мою сестру. Напротив: в ту самую секунду, когда клинок пробил бы мое сердце, скрытая строка закона вступила бы в силу.

Несса не уехала бы в пансион.

Ее не спасли бы триста золотых крон.

Смерть старшей сестры автоматически делала шестнадцатилетнюю девочку следующим расходным сосудом для следующего шестилетнего цикла. Государство не собиралось отпускать нашу кровь. Оно просто позаботилось о том, чтобы на смену сломанному инструменту заранее был заготовлен новый.

Я медленно сжала пергамент в кулаке, чувствуя, как под кожей моего правого запястья глухо и яростно пульсирует серебряный резец Редактора.

Выбора больше не было. Договариваться было не с кем.

Чтобы Несса осталась жива, я должна была не просто выжить в этой академии. Я должна была сжечь этот порядок до самого основания.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.